

БЕГИ ИЛИ УМРИ

роман
журнальный вариант

Галина ТАЛАНОВА

г. Нижний Новгород

1

Олеся лежала на спине и смотрела в потолок. Боль вгрызалась в тело, когда она пыталась повернуться. Иногда простреливало плечо, иногда — поясницу. Саднил копчик, кожа на нём истончилась так, что под ней стали видны красные вздувшиеся островки сосудов.

У Олеси ещё не было настоящих пролежней — тех страшных язв, которые она видела у одной из соседок по комнате. Она даже могла вставать, опираясь на стул, приставленный к кровати, и сама тихонько передвигалась на ведро. Другая соседка — та, что была ещё в силе, — морщилась, когда Олеся со скрежетом волокла по полу этот стул, и даже ругалась матом. Но не под себя же ходить! Санитарку не дозовёшься, да и Олеся знала сама: надо вставать и ходить, пока может.

Когда она переезжала в пансионат, надеялась, что у неё будет отдельная комната, а поселили их вчетвером. Сначала это было самое трудное — не имея своего угла, жить как в казарме, у всех на виду. Но когда Олеся почти слегла, её перевели в другую комнату, где постоялиц было уже девять. Три её соседки давно не разговаривали, иногда только шевелили запёкшимися губами, обмётанными белой слизью.

Когда санитарка проговорилась Олесе, что сюда перемещают тех, кто уже «не жилец», та опечалилась, хотя давно уже не хотела жить. Ничто больше не задерживало её здесь, в этом мире.

Больше всего её мучил в этой комнате запах. Она будто пропиталась вонью тления, умирания. Интересно, а она сама как пахнет? Олеся чувствовала тяжёлый дух в комнате и отчего-то не улавливала своего зловония.

Когда она переезжала в этот пансионат, ей не разрешили взять никаких вещей из «прошлой жизни». Говорили, что это противоречит санитарным нормам.

Поначалу Олесю угнетало здесь всё, а особенно режим, когда в девять выключают свет и будят по звонку, обед по часам — невкусный, казённый, пахнувший больницей.

Большинство старух — те, что ещё в силах, — сидели на своих кроватях или на диванчике в гостиной и вспоминали прошлую жизнь. Иногда смотрели телевизор. То и дело какая-нибудь из них прибавляла громкость так, что у Олеси закладывало уши. Вообще, люди здесь были сложные. Кажется, вот только что бабуля мило улыбалась — и уже за обедом она хватается вилку и пытается проткнуть ею руку соседки, потому что померещилось, что та стянула с её тарелки кусок.

Личного пространства здесь не имел никто. Кровати стояли впритык. Ходячие могли выйти в туалет, а те, кто доковылять не мог, справляли нужду на глазах у всей комнаты. Поначалу это шокировало Олесю, потом привыкла, они были будто и не люди уже, а животные, которые совсем не стесняются друг друга.

Когда Олеся попала в пансионат, она ещё ходила, хотя к тому времени у неё уже прошёл инсульт, затронувший центр дыхания.

Здесь для неё началась новая — последняя — полоса в жизни, в которой от прошлого оставались одни воспоминания. Нижняя половина Олесиного тела умерла — и дальше надо было жить без неё. За полгода в этом пансионате у неё случился очередной инсульт, потом сердце — инфаркт.

Теперь чужие равнодушные руки грубо переворачивали её, причиняя боль, чужие стеклянные глаза сердито смотрели, как она проливает суп, давится кашей. Чужой голос равнодушно отдавал приказы, в чужой казенный халат было обёрнуто Олесиное немощное тело.

Оставалось только переползать изо дня в день. Минуты сливались в часы, часы — в дни, дни — в недели, недели — в месяцы. Олеся прислушивалась к тиканью часов, пытаясь уловить, как они забирают отпущенное ей время. Жизнь догорала, как вспыхнувшая бумага. Целыми днями она лежала лицом к стенке, пытаясь заполнить пустоту воспоминаниями, и они растекались радужной

нефтяной плёнкой, под которую больше не проникал воздух и свет. Её прошлое возвращалось и как будто утверждало своё право на существование, обрастая всколыхнувшимися в памяти подробностями, давно забытыми деталями. Путаются даты, встречи, разговоры...

Было ли всё это?

2

Будучи студенткой третьего курса университета, Олеся влюбилась в доцента — молодого доктора наук, который преподавал у них русскую литературу. Это был высокий красивый мужчина с русской фамилией и еврейской наружностью. Чёрные как смоль локоны почти до плеч обрамляли его лицо. Он был, по понятиям студенток, немолод — лет сорока или чуть больше и вполне мог сходиться им в отцы, к тому же женатый, его дочь училась на втором курсе их же факультета.

В сущности, лекции его были суховаты и скучны, точно лист с дерева, который положили в гербарий и забыли, а когда вспомнили и открыли альбом, чтобы снова лицезреть его яркие краски, то вдруг обнаружили, что он побурел. Но было в этом доценте что-то демоническое. Карие глаза, увеличенные толстыми линзами очков в роговой оправе, притягивали магнитом девичьи взгляды.

И он удивительно преображался, когда начинал читать стихи: тогда на лице появлялось какое-то отрешённое выражение. Стихов он знал наизусть очень много, читал их на лекциях довольно часто. Видимо, ему самому доставляло удовольствие это декламирование с кафедры. Читал всегда с надрывом, в очень своеобразной манере, завораживающей каким-то внутренним надломом. Даже голос его менялся — будто сухие ветки начинали ломаться от налетевшего ветра, а листва грустно шептала им вслед, как казалось Олесе.

Студенты знали, что он и сам балуется сочинительством, даже публиковался в университетской газете. Стихи у него были неплохие, ровные, но серые, как железобетонные плиты. В Союз писателей он не лез, хотя был довольно амбициозен по части научных изысканий. У Олеси никогда не возникало желания почитать его стихи. Видимо, подсознательно боялась

разрушить ту магию, которую он так легко создавал вокруг себя.

Экзамены Олегу Борисовичу сдавали обычно с трудом, несдавших всегда набиралось человек десять, а то и больше. Он был преподавателем требовательным, списать у такого невозможно, но можно было его заговорить, если нести с восторженными глазами какую-нибудь околесицу про писателей.

Олеся сидела на его лекциях и умирала от любви. Каждый раз выбирала, что надеть, чтобы привлечь мужское внимание: то платье, то кофточки поярче, понаряднее. На семинарах тянула руку, аж дрожала: «Спросите меня!» Готовилась тщательно, старалась выдать что-нибудь этакое — оригинальное. Смотрела на него не отрываясь, впитывала его в себя, как лист воду.

Встречая в коридоре дочь Олега Борисовича, Олеся разглядывала её искоса. Ничего особенного. Обыкновенная девица в джинсах и невзрачных свитерах, с чёрной толстой косой, в больших очках в роговой оправе. На отца похожа. Говорят, отличница, но ещё вопрос — её самой это заслуга или отца.

3

В начале второго семестра четвертого курса заведующий кафедрой литературы зачитывал приказы о назначении руководителя фольклорной практики и распределении студентов на курсовые работы. Олеся слушала его с большим волнением. Когда поняла, что мечта сбылась — она попала к Олегу Борисовичу, — сердце её забилось, как посаженная в клетку птица.

Семинары по курсовой стали новым поводом для встреч. И Олеся, вдохновленная вниманием Олега Борисовича, старалась выделиться на фоне группы, готовилась с особым рвением. Она скрупулёзно выписывала цитаты из заумных критических статей, на черновиках раскладывала из них «пасьянс», тасовала по тексту, как колоду карт, — и так, и этак — не нравилось, всё казалось сухим и скучным. От неё и требовался только скрупулёзный литературоведческий разбор, но ей хотелось лёгкости, полёта в слове, в формулировках.

В тот день, когда на консультации обсуждали её работу, Олеся заметила, что Олег Борисович

поглядывает на неё как-то необычно. Она поспешно отводила взгляд, втягивала голову в плечи, съёживалась, закрывалась, точно лилия во время холодного дождя. А потом они остались с Олегом Борисовичем наедине. Тогда все девчонки убежали после звонка с пары.

Олеся задержалась в аудитории, чтобы показать черновик заключения. Они сидели за столом вдвоем, вокруг — никого, и Олег Борисович вдруг накрыл своей большой ладонью её пальчики, нервно выстукивающие на столе какой-то танец: будто капкан захлопнул. Попался зверёк! Олеся смутилась, поспешно выдернула руку, сознавая, что лёгкое пожатие кисти ей приятно. Было ощущение, что сердце мечется в огромной пустоте тела.

С учебы в тот день она бежала домой окрылённая. Сердце замирало в предчувствии счастья, когда представляла, что летом и в начале осени целый месяц она будет рядом с ним на фольклорной практике.

4

Тарахтел моторчик катера, мелькали по обе стороны реки плакучие ивы, полощущие листья в реке. А дальше корабельные сосны устремлялись ввысь, качали мохнатые кроны. Катерок плыл на малиновый закат, небесное полотно на глазах темнело, будто пропитывалось кровью.

Гулял ветер. Он трепал девичьи волосы так, что от кудрей, старательно уложенных на бигуди, ничего не оставалось. Мелкие брызги летели в лодку, и становилось очень холодно. Одна из девушек по-деревенски повязала платок до подбородка, закрыв лоб. Смеясь, её примеру последовало ещё несколько, и Олеся тоже. Кое-кто натянул поверх свитеров куртки.

Олег Борисович надвинул кепку почти на глаза, видимо опасаясь, что её может унести ветром. Багровый солнечный шар, не достигнув горизонта, запал в сизую тучу, похожую на горный хребет. Начал накрапывать мелкий дождь.

Девчонки сидели теперь, прижимаясь друг к другу, а некоторые даже в обнимку. Олеся оказалась зажатой между сокурсницей Светкой и Олегом Борисовичем. Её била дрожь. Негнущимися пальцами Олеся достала зеркальце, чтобы поправить по-дурацки повязанный платок.

— Хороша красotka! — услышала над самым ухом.

Олеся взглянула на Олега Борисовича и увидела, что его крупный с горбинкой нос от холода стал совсем красный, как у снеговика, да ещё с синими прожилками. Смутившись от его слов и от того, что его лицо так близко, она улыбнулась, а потом, не выдержав, прыснула от смеха.

Света толкнула её в бок локтем:

— Успокойся!

— Лодку перевернёшь! — предупредил Олег Борисович и цепко взял её за рукав, точно ребенка.

5

Разместили всю студенческую группу в здании старой школы. Местные дети там не учились, ездили в школу в соседнее село.

Жили студенты по пятнадцать человек в классе. Спали на полу на матрасах, доставленных из детского сада. Готовили сами на кухне: назначали дежурных. Олеся всё было очень непривычно. Один туалет на улице, в который страшно вечером зайти, чего стоил!

Практиканты ходили по домам, говорили, что собирают фольклор. Бабули смущённо отвечали: «Ох, да я уж ничего не помню... Ну, проходите...» А потом созывали своих подруг, сморщившихся, точно оттаявшее прихваченное первым морозцем яблоко, и начиналось — только успевай записывать.

Лето выдалось в том году сырое и холодное, как говорят, гнилое, и оно плавно устремилось к осени — заплаканной и тоскливой. Если вечером не было дождя, ребята сидели у костра и пели под гитару песни, но уж не фольклорные, а современные, душевные, про любовь.

Олеся петь не умела; слушала, зачарованно наблюдая, как пламя костра облизывает горячими языками отсыревшие сучья. Блики пламени, словно отблески от ёлочной гирлянды на новогодних игрушках, играли на толстых стёклах очков Олега Борисовича. Казалось, что глаза его становились всё больше и больше, зрачки-туннели словно втягивали в себя Олеся — маленькую частицу этого мироздания, грозя закрутить, поглотить в той чёрной дыре, из которой уже не вернуться.

6

На той практике всё и закрутилось у них...

Как-то вечером Олеся сидела на берёзовом бревне рядом с Олегом Борисовичем и боялась пошевелиться, чтобы случайно не коснуться его. Он же, напротив, был очень разговорчив и подвигался всё ближе. Олеся уже чувствовала жар его бедра, греющего, будто печка на расстоянии, — по крайней мере, так ей казалось. Олесино лицо пылало от такой близости. Она охлаждала горящие щёки замерзшими ладонями, заодно согревая кончики пальцев, в которые, казалось, совсем не поступала кровь. В сумерках Олег Борисович накрыл её холодную ладошку своей ладонью и погладил одними кончиками пальцев девичьи пальцы — холодные и напряженные. Она в испуге попыталась вытащить попавшую в капкан ладонь, но не смогла: Олег Борисович крепко прижал её кисть к бревну — сучок больно впился Олеся в кожу.

Через пару дней был погожий вечер, и Олег Борисович предложил студентам послушать у костра частушки, что они насобирали. Пламя горело ярко, без дыма. Огонь весело бежал по сучьям, лаская их раздвоенным змеиным языком. Частушки всем быстро надоели. Тогда Олег Борисович предложил почитать свои любимые стихи, но из ребят никто не вызвался, хотя любители поэзии на курсе были. Тогда преподаватель дал им задание — подготовить к следующему вечеру чтение стихов наизусть, после чего то ли в шутку, то ли всерьёз добавил: «Те, кто взял с собой в деревню поэтические книги, получают зачёт автоматом!» У Олеся была с собой книжечка стихов современного поэта Юрия Кузнецова, которую она взяла почитать на досуге, и она радовалась, что зачёт по фольклорной практике ей обеспечен.

А Олег Борисович сам принялся читать стихи. Читал он очень артистично, в такие моменты, увлекаясь, он становился похожим на демона с картины Врубеля. Тёмные как смоль глаза блестели агатовыми камешками. Он помогал себе жестами. Олеся казалось, что это взлетают руки дирижёра — взмывают в небо, словно большие чёрные птицы.

Девушка сидела рядом с ним, ломала хворост

и подбрасывала его в костёр. В один момент её рука случайно коснулась руки Олега Борисовича — и ей показалось, что её задела крылом пролетающая птица. Сладко ёкнуло сердце...

7

По средам Олег Борисович уезжал на своём уазике в областной центр за продуктами: в местный магазинчик даже хлеб завозили эпизодически и мало, его часто не хватало на всех жителей. Обычно Олег Борисович брал с собой в помощь кого-нибудь из студентов. В этот раз предложил поехать с ним Олеся.

Пока ехали по бездорожью, Олег Борисович почти не разговаривал, дорога была разбита, он сосредоточенно смотрел вперед, то и дело переклюкая скорости. Олеся нравилось сидеть рядом. Она влюблённо поглядывала на его чёрные кудри, в которые вплеталась первая седина, похожая на серебристую паутину, нос с горбинкой, как у коршуна. Глаз не видно: они под затемнёнными стёклами очков.

День был погожий, хоть и холодный. Солнце бросало в глаза пригоршни света, от которого можно было ослепнуть, словно это и не солнце вовсе, а белая блестящая соль. Березы роняли золотые монисты. Осины, клены сорили жёлтыми и красноватыми купюрами, бросали их на траву, уже пожухлую.

Уазик подпрыгивал на ухабах, машину трясло и качало, в салоне гадко пахло бензином и выхлопными газами. Олеся не любила такую дорогу, но соблазн провести несколько часов в обществе любимого был велик. Разговаривать в пути ей совсем не хотелось, она боялась, что укачается по дороге, хотя предусмотрительно выпила таблетку.

Выехали на трассу — Олег Борисович помчался быстро, и Олеся теперь смотрела, как мелькают придорожные домики в посёлках, многие из которых курились дымком. Ветра не было — и над крышами поднимались эдакие размытые серые привидения, выпархивающие облачком из труб.

В городе они довольно быстро купили всё необходимое: тушенку, крупы, макароны, сливочное и подсолнечное масло, сыр, печенье, конфеты, чай.

На обратном пути опять почти не разговаривали.

Нагревшаяся от солнца машина запахла жжёной пылью, этот запах мешался с выхлопными газами и создавал отвратительный коктейль. Подъезжая к деревне, попали в пробку. Здесь дорожка шла по мосту через речку, который взялись ремонтировать, — перед мостом выстроился длинный хвост из машин. Их уазик притулился в самом конце.

Машина теперь двигалась рывками, по метру, Олег Борисович то и дело выжимал сцепление. Он начал рассказывать Олеся о своей студенческой практике, осторожно, как бы случайно опустил большую ладонь на её колено, обтянутое джинсами. Неожиданно повернулся к ней и погладил бедро, провёл ладонью по её волосам.

— Какие у тебя волосы красивые, словно золотое руно... — Олег Борисович отодвинул прядь с виска и поцеловал девушку в щеку.

Очередь из автомобилей потянулась чуть быстрее. Олег Борисович теперь тормозил реже, но двигался по-прежнему рывками, отчего Олеся стало нехорошо. Тошнота подкатила под горло, перед глазами всё поплыло, точно она качалась на волнах вверх-вниз. Она достала из кармана джинсов припасённую таблетку и сунула ее в рот.

— Что-то мне нехорошо. Растрясло.

— Скоро, думаю, проедем эту пробку. Останемся, пойдём грибы собирать. Воздухом подышишь.

Как только проехали мост через реку, Олег Борисович свернул в ближайший лесок. Вышел из машины, открыл со стороны Олеся дверь, подал ей руку. Подножка уазика была слишком высока для неё, Олеся не рассчитала и рухнула вниз. Но не упала: сильные мужские руки подхватили её, и она уткнулась лицом в чёрную вылинявшую футболку.

— Осторожно, воробушек! А то придётся скакать на одной ноге, — Олег Борисович погладил её по спине широким успокаивающим жестом, как гладят маленьких детей, захлёбывающихся плачем. — Подожди.

Вытащил из багажника раскладной стульчик, поставил его неподалёку от машины, под высокой берёзой.

Олег Борисович осторожно обнял девушку за плечи и повёл под дерево.

— Посиди тут. Подыши. Чуешь, воздух какой...

Воздух на самом деле был вкусный, настоящий на ароматах сухих трав — осоки, мяты, ромашки и зверобоя, в который вплетался отчётливый запах грибов. Пахло прелью, мхом, калиной и... предчувствием любви. Олеся почему-то отчётливо уловила этот волнительный запах, который обычно кружит всем голову в марте, когда тают снега.

У Олеся немного кружилась голова. Корабельные сосны, устремленные разлапистыми кронами ввысь, кружились в медленном танце... Олеся прикрыла на минуту глаза и прислонилась к берёзе, чувствуя щекой ствол дерева. Сдвинулась чуть влево — щеку оцарапал серый нарост коры.

Олег Борисович наклонился к ней, тяжёлая мужская ладонь легко скользнула по Олесяным волосам, отводя чёлку со лба и слегка её ероша. Спросил:

— Ну как ты? Сиди, а я рядом похожу, грибы пособираю... Я недалеко, тут место грибное, вокруг тебя кругами буду ходить...

Вернулся Олег Борисович к ней минут через сорок с полной корзинкой настоящих белых:

— Смотри, сколько насобирал! Знатный супец будет!

Он плюхнулся рядом с Олесей на траву, прижался плечом к её коленям. Она вздрогнула, но не отодвинулась. Так и сидели, вдыхая пряный, чуть горьковатый запах опавших листьев. Листья краснотала издали казались экзотическими цветами. Огненные кисти рябины наклонились к соседнему дереву — и казалось, вот-вот сейчас его подпалят. Серая птица с желтой грудкой забавно скакала по дороге, собирая первые облетевшие ягоды, видимо, поклеванные другими птицами и оттого упавшие на землю. Голубое небо проглядывало сквозь ажурный узор листьев.

Олег Борисович встал и обнял Олеся за плечи, нежно и осторожно, точно в бабушкин пуховый платок закутал. И ей вдруг стало так спокойно. Она сидела не шелохнувшись. Олег Борисович провел пальцами по нежной шее, взял её ладонь и поцеловал. Олеся никогда ещё не

целовали рук... А потом он прижался шершавыми обветренными губами к синей жилке на виске, пульсирующей, точно ручей подо льдом, ищущий выхода.

С этого дня Олеся и думать не могла ни о чем другом. Это было неразумно — мечтать о женатом преподавателе, да еще и значительно старше неё, но она ничего не могла с собой поделать.

Откуда возникает любовь? Каким ветром забрасывает её в наше сердце, словно семечко одуванчика, парящее на парашюте? Неизвестно. Но Олеся уже давно призналась себе, что то осеннее солнышко поселилось в её сердце и пчёлы кружились над ним, готовясь собирать нектар.

Иногда она представляла, что Олег Борисович разводится со своей гримзой-женой. Олеся почему-то была уверена, что та должна быть гримзой, иначе как же он уйдёт от неё? Сердце замирало от предчувствия счастья. Только бы видеть этого человека, слушать его ласковый голос, в который она погружалась, словно в майское соловьиное пение, лёжа без сна и мучаясь от любви... Нет, не от неразделённой... Олеся уже давным-давно женским чутьём угадала, что нравится ему.

8

Фольклорная практика продолжалась.

Ребята ходили по домам, записывали тексты. Попали однажды к старообрядцам. Считалось, что живут они закрыто, чужаков сторонятся. А тут Олег Борисович как-то сумел договориться: студентов даже пригласили на старообрядческую свадьбу.

Справляли её в той же просторной горнице, где накануне местные бабушки сидели рядом и пели частушки, стыдливо укрываясь платочками.

Молодые восседали под образами в просторных белых рубахах. Невеста была без фаты. Вообще, она была невзрачна, как воробей, на лице ни следа косметики, волосы заплетены в жиденькую, напоминающую колос косу, уложенную на голове короной. Мужики за столом пили самогон стакан за стаканом. Женщин за этим столом не было, они разносили угощение

гостям: разные рыбные блюда, разносолы, пироги и домашний хлеб.

Гости пили, и много. Гуляла вся деревня. Песни пели не только в избе, но и на улице: частушки и русские народные вперемежку с эстрадными. В какой-то момент Олеся осознала, что поёт хор, и, вслушиваясь, поняла, что это общинные религиозные песнопения.

Голова пошла кругом, хотя она и отхлебнула всего лишь глоток местного зелья... Отказаться от самогона было нельзя: хозяева обидятся. Но как пить эту гадость? Она же жжёт и горькая. Олеся набила рот хлебом и начала цедить самогон через мякиш — не знала, что это и есть верный способ опьянеть.

К тому же она опять оказалась за столом с Олегом Борисовичем. Сидела ни жива ни мертва, обмирая от счастья. А он был оживлён, пил много, но совсем не пьянел, только его глаза, бездонные, похожие на глубокое небо в августовскую ночь, затягивало мутной пеленой. Несколько раз за вечер он хватал Олесину запястье мелко трясущимися пальцами, украдкой подносил к влажным губам и целовал нежно-нежно.

Один деревенский парень, уже изрядно набравшийся, улыбчивый, как Иванушка-дурачок, подлетел к Олесе и потащил плясать какой-то скомороший танец, то и дело развязно обнимая её в пляске за плечи, за талию. Крутил её вокруг оси, точно юлу, — и ей казалось, что, как только партнер её отпустит, она непременно упадёт.

*«Ни письма, ни вестиночки
не прислал хороший мой.*

Говорят, его видели,

говорят, уже с другой», — запела за столом женщина средних лет, одетая в тёмно-синий балахон, похожий на халат чернорабочей.

В избе становилось душно, Олеся уже едва стояла на ногах от самогона, своих головокружительных виражей и от спёртого воздуха, успевшего впитать в себя пот разгорячённых тел. Комнату заволакивал туман, как дым при пожаре. Дышать было тяжело, и Олеся потащила своего кавалера на свежий воздух.

В лицо ударил ветер. Взгляд парня становился осмысленным. Тот провёл по физиономии широкой, будто лопата, заскорузлой ладонью.

Положил Олесе руку на плечо и попытался притянуть девушку к себе. Почувствовав тяжесть его руки, она инстинктивно вывернулась и отскочила почти на метр, стояла в растерянности, не зная, что предпринять. Кавалер пьяно покачивался на ногах, словно на ходулях:

— Ты чё? Не нравлюсь, что ли?

Олеся замешкалась, соображая, что ответить. Она поёжилась, передёрнула плечами:

— Жарко в избе было, да и устала я от праздника: не привыкла к танцам...

— А, ну так привыкай. У нас здесь не только работать умеют, но и гулять, — осклабился кавалер и потянулся к её руке.

Олеся отступила от парня ещё на шаг, лихорадочно прикидывая, как бы от него отвызаться.

— А, молодые люди, о чём беседуете? — как из-под земли вырос Олег Борисович. — Позвольте украсть у вас девушку. Мне надо обсудить с ней детали вашего фольклорного праздника, а то, боюсь, она не так запишет.

Мужчина подхватил Олесю под локоток легко, непринуждённо — и она не оттолкнула его.

9

Ночью вдвоём они бродили по вымершей деревне. На небе разливала свет луна, похожая на обкусанный с одного боку каравай белого хлеба. Её света было достаточно, чтобы видеть блестящие глаза Олега. Морщины как будто сгладились в темноте, его лицо стало ещё больше походить на врубелевского демона. Олег Борисович сжимал Олесину тонкую кисть с детскими пальчиками. Она была так близко к мужчине, что слышала, как стучит его сердце. Любимый голос ввинчивался в ночную тишину, и та рассыпалась на осколки.

Вышли на окраину деревни... Олеся обернулась и посмотрела на посёлок. Тёмные, скобоченные домишки притулились друг к другу, в окнах горел свет — они казались яркими заплатками на темном покрывале ночи.

Олег Борисович вдруг остановился, распахнул объятия — и вот уже Олеся лицом уткнулась ему в грудь и ощущает, как колетса верблюжья шерсть на его свитере крупной вязки. Словно

мутный тёмный поток подхватил её — сильный, сбивающий с ног. А в таком потоке, чтобы не утонуть, надо расслабиться и отдаться течению. Сопротивляться бесполезно — только потеряешь силы, не выплывешь... Свитер Олега Борисовича задрался — Олесиная щека заскользила по шелковистой футболке.

Жадные губы приникли к её губам, и она крупно дрожала, словно цветок на стебле. Олеся была как в дурмане, будто в неё впрыснули яд, парализующий волю и мозг.

Кривая луна глядела на них подбитым глазом, звёзды мерцали, готовые упасть в руки, словно конфетти из новогодних хлопушек. Свежий ветер махал длинными призрачными рукавами. Любимый мужчина дышал Олесе в ухо, и она чувствовала, что лицо ее горит то ли от его жаркого дыхания, то ли от стыда, то ли от сладкого предчувствия запретной радости.

Ей было уютно в мужских объятиях, как когда-то в объятиях папы. Он рано умер, оставив жену и дочь-школьницу без мужского плеча. Но тогда, в детстве, Олеся узнала, что надежнее папиных объятий нет ничего. Её не разлюбят и никогда не бросят, она верила, что под отцовским крылом можно спрятаться от любых невзгод и неприятностей.

С этого вечера у неё голова совсем пошла кругом, только и думала об Олеге Борисовиче. Это было как наваждение. В душе нарастала бешеная радость, готовая всё смести на своём пути.

10

Практика шла к концу, и Олеся с печалью думала о том, что будет видеть своего преподавателя теперь только издалека, с кафедры. Останется ей вспоминать то шальное время, когда любовь вышла из леса, полыхающего осенним огнём.

Шла последняя неделя деревенской жизни.

Как-то вечером Олег Борисович заглянул в класс, где поселились ребята. Окликнул Олесю и сказал:

— Ну что, опять продукты пора покупать. Собирайся, завтра поедем в райцентр...

Олеся уже догадывалась, что может случиться между ними, но отказать была не в силах.

Утром они поехали в райцентр. Всю дорогу

Олег Борисович вёл себя так, будто между ними ничего не было. Олеся обижалась, что он вёл себя с ней словно чужой, как взрослый солидный дядя с несмышлёной первокурсницей, годящейся ему в дочери, но старалась ничем не выдать затаённую боль.

На обратном пути Олег Борисович опять завёз её в лес. Стояли последние дни бабьего лета. Яркие лоскутки листьев висели на деревьях первомайскими флажками. Над полями растянулся чёрный клин птиц, издали похожий на облако саранчи.

— Что это за птицы? — спросила Олеся, чтобы как-то нарушить повисшее в машине молчание.

— Мне кажется, что это ласточки полетели... — ответил Олег Борисович.

Клин был неровный, полукругом очерчивал поляну.

— Сколько птиц! — проговорила Олеся. — Словно стая мошкар, издалека так кажется... Скольким из них не суждено долететь до тёплой зимовки?..

— Многим, детка... — снисходительно ответил Олег Борисович. — Люди тоже вот срываются за теплом с насиженного места... Кто-то погибает в пути.

Машина остановилась на небольшой полянке среди осин, мужчина заглушил мотор.

Олеся потянулась к ручке двери — хотела прыгнуть на траву, но Олег Борисович перехватил её руку, сжал, будто наручником, обхватил за плечи другой рукой и притянул к себе. Она уткнулась лицом ему в грудь, услышала, как бухает его сердце.

Олег Борисович погладил её по голове, точно маленькую девочку. Олеся даже улыбнулась в блаженстве: так отцы гладят любимых детей. Но неожиданно чужая ладонь полезла под старенькие Олесиные джинсы. Она напряглась, сердце в груди колотилось. Чужие ласковые руки парализовали ее волю, шершавый кончик языка полз по девичьей шее.

Олег Борисович откинул спинку кресла под Олесей, прикрыл своим телом лежащую теперь девушку. Она будто превратилась в пластмассовую куклу, а внутри дрожь и обморок, в замуренных глазах крошечная тьма, чужое горячее дыхание прижимает её к креслу, чужие руки

стаскивают с нее джинсы. И кажется, что всё это только сон, поскорее проснуться — и всё кончится.

Олеся закусила губу, чтобы не закричать. Почувствовала солёный вкус крови на языке. От обивки сиденья муторно пахло пылью и бензином. Ей показалось, что они несутся куда-то опять на большой скорости по ухабам — и у неё было единственное желание, чтобы эта дорога закончилась поскорее, чтобы она могла глотнуть свежего воздуха, которого ей не хватало. Она чувствовала, что жар хлынул в её тело и добрался до головы, дышит ей в лицо, как Змей Горыныч, затягивая горло удущьем от шерстяного свитера.

Внезапно все кончилось. Она лежала почти бездыханная, не в силах пошевелиться. Рядом с ней такое же безжизненное тело немолодого мужчины, в которого она была влюблена. В этот момент она не чувствовала любви к нему; остались растерянность, стыд, страх и боль.

Чужие пальцы коснулись её позвонков. Олеся вздрогнула.

— Ты моя малышка!

Она не ответила. Ошеломление от случившегося парализовало её. «Зачем? У него же есть жена», — пришла ей в голову мысль.

С улицы в машину проник вороний крик. «Кар-кар! Дура! Дура! Беги!» — слышалось Олеся.

Но она была не в силах пошевелиться. Олег поправил на ней задранный свитер, поцеловал в висок, откинув прядку с её лба:

— Ну прости! Прости меня, какое-то затмение нашло. Одну лишь тебя вижу. Только ты перед глазами. Околдовала, точно лесная нимфа...

Он собрал в кулак её длинные волосы и закинул себе на лицо, вдыхая их аромат.

По пути в деревню Олег Борисович сказал Олеся:

— Малыш! Ты же понимаешь, что не надо афишировать наши отношения...

Так у неё появилась тайна. Если раньше она всячески старалась обратить на себя его внимание, то теперь предстояло делать непроницаемое лицо и держаться невозмутимо.

11

До возвращения в город оставалось два дня. Вечером Олеся решила прогуляться напоследок до реки, на пустынной околице натолкулась на Олега Борисовича. Выслеживал ли он её или вышло случайно — не поняла.

— Гуляешь? Возьмёшь в попутчики?

Пошли по просёлочной дороге, спускающейся к осенней реке. Багряные листья, освещённые багровым солнцем, отражались в воде. Уже холодное солнце смотрело в щёлочку закатным кровавым глазом.

Шли рядом, но каждый по своей колее. Резиновые сапоги засасывала развезённая дождями дорога.

Олеся выбралась на обочину и пошла по траве. Ноги путались в высоком чертополохе, он цеплялся за брюки, за рукава её свитера.

Чуть поодаль Олеся заметила яблоню и пошла к ней. На ней висели крупные наливные яблоки, совсем не дичок.

Олеся стала собирать яблоки в полиэтиленовый пакет, который по случайности оказался в кармане джинсов.

Подошел Олег Борисович:

— Интересно, откуда она здесь? Кто-то явно посадил... Для нас. Символично очень. — Он достал из кармана ветровки носовой платок, обтер яблоко и сочно захрустел. Протянул ей: — На, кусни, вкуснотища!

Олеся засмеялась и откусила яблоко из его руки. Сладкий сок потёк по губам. Яблоко полетело на землю.

Проворная змейка чужого языка слизала каплю сока с Олесиного подбородка, потом прижалась к её губам.

Перед отъездом домой местные жители устроили для них прощальную вечеринку.

Деревенские бабушки заливисто частили словами:

*Глянь-ка, миленький, на небо,
После неба — на меня.
Как на небе тучи ходят,
Так на сердце у меня...*

Олеся слушала старческие дребезжащие го-

лоса, слёзы проступали на её глазах, точно дождевые капли. Как она будет жить дальше?.. Что скажет мама, если узнает? Она уж точно расстроится и будет против её любви, налетевшей, как осенний шквалистый ветер.

Луна не светила в тот последний вечер. Бабье лето кончилось, от земли тянуло сыростью и холодом, и Олеся чувствовала себя пылинкой, вроде семечка одуванчика, что случайно прицепилась к рукаву Олега Борисовича.

12

У Олега Борисовича была квартира, доставшаяся ему от родителей, которую берегли для дочери и не спешили сдавать. В первый раз он привёл туда Олеся под предлогом посмотреть старинные книги, оставшиеся от деда. Она догадывалась, что зовут её вовсе не за этим, но всё равно пошла... Олеся по-прежнему глядела на него широко распахнутыми глазами, но, кроме восхищения, в них уже поблёскивал магнит собственности: притянуть и не отпускать от себя, стать с ним единым целым.

Их встречи были короткими, скомканными. Олег торопился домой, не стесняясь Олеси, звонил жене, при этом жестом приказывал любовнице молчать. Договариваться о встрече им было довольно трудно. В университете — глаза и уши, дома у неё любопытная и бдительная мама, у него — жена и дочь... Иногда Олеся звонила ему на кафедру с телефона-автомата, порой решалась позвонить на домашний номер. С замиранием сердца она набирала заветные цифры, готовая бросить трубку, как вспыхнувшую в руках бумагу, если услышит голос его жены или дочери. Сам он Олесе не звонил никогда.

Через два месяца таких встреч Олеся уже не могла воспринимать свою любовь как случайную. Она всерьёз стала мечтать о том, чтобы Олег развёлся и стал её мужем, но заговаривать с ним об этом не решалась. Изредка ей в голову приходила мысль о том, что случись им пожениться — Олег состарится раньше её, но она отмахивалась от нее, ведь у них было их настоящее — любовный морок, розовый дым.

13

Однажды Олеся увидела жену Олега. В тот вечер на кафедре организовали презентацию его литературоведческой монографии, а после — небольшой фуршет, на котором присутствовала и супруга. Признаться, Олеся очень удивилась, когда увидела его жену, выглядела та значительно старше Олега. Это была располневшая женщина с седоватыми волосами, собранными в пучок, старчески водянистыми глазами. Двигалась она грузно, тяжело.

«Бабушка прямо! — подумала тогда Олеся. — И как он только с ней живёт?» Она слышала, что так бывает в семье: один, пытаясь ухватить звезду с неба, стремится вверх по карьерной лестнице, а другой создаёт для этого условия, обустроивает быт, то есть держит лестницу, чтобы партнёр не упал. Выспрашивать Олега о жене Олеся не осмеливалась. Жила лишь призрачной, но укрепившейся надеждой, что однажды всё поменяется.

14

В марте у Олеси случилась задержка, она страшно испугалась. Думала: что теперь будет? Она училась на пятом курсе, писала диплом. И как сказать маме, если она решится рожать? Как воспримет это её немолодой и семейный возлюбленный?

После посещения врача беременность подтвердилась. Будущее для Олеси теперь заволокло густым туманом. Она успокаивала себя: большой и сильный Олег непременно разведёт этот туман руками — и снова засияет для них яркое весеннее солнце.

Олеся дозвонилась до Олега Борисовича, попросила о встрече.

Встретились они в скверике у памятника Пушкину. Шёл сильный снегопад.

То ли предчувствуя, то ли торопясь, мужчина расхаживал взад-вперёд, словно маятник. Его ссутулившуюся фигуру Олеся увидела издалека — почти подбежала, уткнулась лицом в мягкую дутую куртку.

— Ты моя радость! Я так соскучился! — он обнял её.

— Я беременна! — выпалила Олеся и замерла.

Олег от неожиданности разжал объятия. Она едва удержалась на ногах.

— Ты уверена? Была у врача?

— Конечно, была.

Олег молчал, растерянный, глаза за толстыми стёклами очков больше не излучали свет. Он схватил её обеими руками за рукавички старой, еще маминой шубки, легонько потряс.

— Заяц, ты же понимаешь, что тебе надо закончить учебу. А я могу лишиться работы — и тогда уж точно даже помочь тебе ничем не смогу, — ласково объясняет Олеся, точно ребёнку. — Если всё это выплывет наружу... Ты же у меня умная девочка — не будешь портить себе жизнь! Эта проблема решается просто. Выход только один. Надеюсь, что твоя мама не знает об этом? Мне кажется, не надо её расстраивать. Иди ко мне...

Олеся снова зарыла лицо в его куртку, будто спряталась от внешнего мира, а Олег нежно и успокаивающе гладил её вздрагивающие плечи.

Они ещё с полчаса побродили по вечернему городу, освещённому цветными огнями вывесок и реклам. Снег сыпал и сыпал, словно пытался завалить их следы на белом покрове.

15

После операции Олеся на каталке перевезли в процедурную. Там за ней приглядывала медсестра, попутно выполнявшая привычные дела. Когда Олеся отошла от наркоза, медсестра велела ей идти в палату. Та побрела по длинному больничному коридору, мимо операционной, где ей сделали аборт.

На пути встретила санитарка. Она выносила из операционной чёрный полиэтиленовый мешок. Санитарка не заметила, что угол мешка надорван, оттого на пол текла тонкая струйка кровавой жижи. Догадавшись, что в мешке, все еще одурманенная наркозом Олеся покачнулась и осела на пол. Затем потеряла сознание.

Очнувшись она на кушетке в той же процедурной, рядом суежилась медсестра. Олеся безучастно смотрела по сторонам, её тело как будто умерло, и она наблюдала за собой со стороны. Состояние оцепенения овладело ею — теперь было всё равно, что будет дальше. Ребёнка не будет, и самой её, прежней Олеся, больше нет.

16

Первый месяц после аборта Олеся ходила как зомби, потом начала осознавать, что наделала. С каждым днём становилось всё больнее и невыносимее. Она убила того, кто был роднее всех на свете, свою кровиночку. Врач сказал, что это была девочка.

У Олеся началась депрессия. Она то корила себя, то жалела, то плакала, презирала и ненавидела Олега. Такой большой и сильный, а на поверку оказался слабак.

Постепенно ненависть рассосалась, как гематома. Всё проходит, особенно когда ты молод, а студенческая жизнь с вечной суетой бьёт ключом. Надо было вплотную заниматься дипломом — до защиты всего-то месяца два.

Олеся всё ещё любила Олега. Сердце у неё опять скакало мячиком, когда она, оправившись после аборта, сама набрала его номер. И Олег взял трубку, даже предложил ей вместе сходить на Тарковского.

Олеся сидела, прижимаясь к нему в тёмном кинозале, чувствуя тепло его бедра. Олег закинул руку ей на плечо, запустив ладонь под её жакет.

Потом она сидела у него на коленях в его квартире, плакала как ребенок. Он гладил её по спине, ласково утешая, признался, что ушёл из дома. Нет, не развёлся ещё... Но две недели живёт один здесь, в родительской квартире, и возвращаться в семью не думает.

17

В середине июня Олеся защитила дипломную работу, все госэкзамены к тому времени были уже сданы.

А в июле мама объявила, что получила на работе путёвку и надолго уезжает в санаторий. Дочь проводила её на вокзал, помогла устроиться в вагоне, а на обратном пути позвонила Олегу.

Он пришёл в тот же вечер, так у них началась семейная жизнь. Аборт она не забыла, но простила Олега и по-прежнему кружилась в волнах страсти, точно щепка в водовороте. Каждый вечер она кидалась в его объятия, словно прыгала с вышки в волнуемое море.

К концу лета Олег получил развод. Сказал Олесе про это как-то мимоходом за ужином.

— Почему же ты мне не предлагаешь руку и сердце? — спросила она с некоторым разочарованием.

Олег попытался шутливо вывернуться:

— А разве нам плохо? — добавил: — Я как-то не готов так сразу...

Олеся обиженная вышла из-за стола, уселась с ногами в кресло, выставив острые локотки.

— Ты... ты... — голос её предательски задрожал.

Она не знала, что бы такое выкрикнуть ему пообиднее, и глотала воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Смахнула пальцем слезу, уставившись на бело-розовые тюльпаны на кухонных обоях.

— Ну что ты... что ты, малыш! — заворковал Олег, затем помолчал, что-то обдумывая. — Ну... ладно... хорошо, давай поженимся... Но жить тебе придётся у меня... — помявшись, уступил Олег.

В конце осени они по-тихому расписались.

18

К удивлению Олеси, мама с Олегом более-менее нашли общий язык. С зятем новоиспеченная теща держалась ровно, хотя несколько прохладно, к тому же разница в возрасте у них была совсем маленькая.

Однако Олеся начала замечать, что в матери поселилась ревность: она ревновала видного взрослого мужчину к дочери. В такие моменты Олеся улавливала плохо скрываемое раздражение в свою сторону, мамины глаза превращались в буравчики, готовые просверлить её насквозь. Потом ревность, точно маятник, отклонялась в другую сторону — и мама уже ревновала дочь к мужчине.

Олеся знала, что мать в глубине души была против раннего замужества, она бы предпочла, чтобы дочь, её маленькая девочка, принадлежала только ей. С появлением в семье мужчины, да еще и взрослого, состоявшегося, отношения между Олесей и мамой обострились. Дочь, чувствуя конкуренцию, подсознательно воевала против матери, на которую была так похожа. Мать, зрелая и опытная женщина, са-

моутверждалась перед привлекательным зятем. Отчуждение назревало между ними, но разорвать нерушимую кровную связь они не могли. Иногда Олесе казалось, что они с мамой стоят на вокзале на разных платформах: заметив друг друга в просвете между вагонами, пытаются сообщить что-то важное, но диалога нет — обе не слышат. Эмоции оглушали обеих. Олег же невозмутимо сидел в купе, размешивал ложечкой сахар в стакане с чаем и совсем не глядел в окно на перрон — его эти дразги не касались.

А может, Олесе только казалось, что мама не отпускала её? Тогда что она скрывала от самой себя, оправдывая собственные ошибки влиянием то матери, то мужа?

19

Разочарование настигло Олесю в первое же лето после замужества. Нет, любовный туман пока не рассеялся, но морок отступил — и стали видны очертания, пока ещё размытые и белесые, — контуры суетливого быта обозначили себя, постепенно выходя на первый план.

У Олега была кошка Анфиса. Когда бывшая жена с дочерью уехали отдыхать, кошку он забрал к себе, на дачу. Там и выяснилось, что кошка беременна. Через пару недель, в воскресенье, начались роды. К вечеру все пять слепых комочков лежали в старой шапке из искусственной цигейки, которую Олеся положила в картонную коробку. Новоиспеченная мамаша деловито вылизывала малышей.

Олег подошёл к коробке, брезгливо посмотрел на процесс и сказал:

— Топить нужно. И лучше бы пока слепые...

— Это зачем топить? — опешила Олеся.

— Ты что, собираешься всё это семейство в городскую квартиру привезти? Или выпустить на вольные хлеба на растерзание бродячим собакам? Кому они нужны?

— Раздадим... Возьмёт кто-нибудь... Жалко же... — Олеся чуть не расплакалась.

— Ну, как знаешь, раздавай, — равнодушно ответил Олег.

Пристроить котят Олеся так и не сумела. Точнее, лишь одному из помёта повезло — его взяла к себе жить соседская бабушка. Не обсуждая

больше эту тему с мужем, Олеся решила забрать малышкой с собой в город.

Осень подступала. Потихоньку планировали переезд в городскую квартиру.

Одним утром Олеся пошла на веранду проверить котят, но ни их самих, ни коробки в привычном месте не обнаружила. Она кликнула мужа, он не отозвался. Тогда Олеся выскочила из дома и увидела у реки его долговязую фигуру, в руках он держал коробку. Мгновение — и она полетела в реку с обрыва.

Олесю трясло. Она вскрикнула и заревела. Выбежала за калитку, подскочила к мужу и начала отчаянно колотить его кулаками в грудь. Олег крепко прижал её к себе.

— Ну это же всего-навсего котятка. Анфиса каждый год рождает. Родит новых...

Выбившись из сил, Олеся сникла у него на груди. На смену вспышке гнева пришло тупое опустошение. Это была их первая серьёзная размолвка, после которой всё очарование этим человеком растворилось, как накипь в лимонной кислоте. Остался мутный осадок, который надо было слить в унитаз.

Олеся не разговаривала с мужем три дня. Тогда в ней в очередной раз что-то умерло.

20

Тем не менее семейная жизнь шла своим чередом. Год за годом. Ругались Олеся и Олег редко, жили весьма размеренно, не стесняя личного пространства друг друга. Муж умело уходил от её девичьих вспышек, переводя их в шутку. Мог сграбастать её в объятия и закрыть рот поцелуем — и она сразу обмякала в его руках. В общем, к выходкам молоденькой жены он относился как к капризам ребёнка. А ребёнку что надо? Чтобы взяли на ручки, посадили на колени, убаюкали под сердцем.

Олеся наблюдала за мужем как будто со стороны, подмечая то, на что раньше предпочитала закрыть глаза. Оказалось, что у него есть друзья, он любит посиделки в их компании, а случались они довольно часто. Она подмечала, что Олег лжив и всегда найдет себе оправдание. То он пропадал на кафедре, а потом выяснялось, что заседания не было, то уходил якобы в библиотеку, а возвращался под ночь.

«Наверно, и жене врал, когда со мной встречался», — теперь подумывала Олеся. Но и помыслить, что муж завел любовницу, она не могла. Тогда ей казалось, что в руках её большой козырь — молодость.

Недовольство мужем подогревал и тот случай с котятками, припоминался Олесе и сделанный по его настоянию аборт. Даже внешне Олег виделся ей другим. Она видела в нём уже не поджарого красавца средних лет, а усталого человека, пожившего, с запыхавшимся от ветров жизни лицом.

Порой Олеся не могла сдержаться — упреки изливались из неё, но Олег отмахивался от жены, как от назойливой мухи.

21

И как она проглядела начавшийся у Олега новый роман? Олеся и сама понять не могла. Видно, самоуверенное сердце глаза застило.

Она к тому времени уже не первый год работала в редакции газеты. В тот день вернулась из командировки с Пушкинского праздника в Михайловском. Устала очень, приняла душ и в предвкушении отсыпных выходных растянулась на диване с книгой, включив ещё и телевизор.

Олег вошел в комнату и присел к ней на диван, но не обнял, как она ожидала, — так и сидел, сгорбившись, рядом. Он молчал, как будто собираясь с силами, прежде чем начать разговор.

Почувствовав его напряжение, Олеся первой нарушила молчание:

— Что ты, молодец, не весел? Что ты голову повесил?..

— Нам надо поговорить, — муж поднялся с дивана и убрал звук в телевизоре. — Я хотел тебе сказать, что у меня другая женщина. Через три месяца у нас родится сын. У ребёнка должен быть отец, и мы любим друг друга. Я должен быть рядом с ними.

Олеся недоуменно посмотрела ему прямо в глаза. Она села на диване и, не зная, куда девать руки, начала взбивать подушку, пытаясь совладать с собой. Слезы подкатывали. Спазм перехватил горло, мешая вымолвить хоть слово. Олеся отдала ему своё тело, убила их дочь,

как он захотел, и вот теперь Олег говорит ей такое...

Олесино лицо в один миг утратило привычную свежесть. Уставшая от семейной жизни женщина, привалившись на подлокотник дивана, горестно подпирала щеку.

Сдержав слёзы, глубоко вздохнула.

— Хорошо. В выходные перееду. Не сейчас же в ночь ехать... Мне вещи перевезти надо, — собравшись с силами, выговорила то, что от неё ждали.

Олеся встала с дивана и пошла в ванную, включила воду в надежде, что сильная струя заглушит её плач, который она больше не могла держать в себе.

И вся её замужняя жизнь на восьмом году брака захлопнулась, словно папка, которую завязали на тесёмки и отправили пылиться на антресоли, чтобы никогда больше не открыты.

22

После развода прошло четыре года. Олеся жила в родительской квартире. Мама в живых уже не было — после тяжелой болезни она умерла на больничной койке.

Теперь Олеся осталась совсем одна. Серые дни сменяли друг друга, а она, чтобы не впасть в депрессию, расталкивала свои воспоминания, что порой наваливались на неё, будто пассажиры в набитом автобусе.

Весь июнь стояли холода, температура не поднималась выше пятнадцати градусов, тепло пришло только в середине июля. Выходные Олеся привычно проводила за городом — на даче.

То воскресенье разделило её жизнь на «до» и «после». Утром прошёл сильный ливень, днем было сухо — дорога подсохла.

К вечеру Олеся засобиравшись домой. Она водила машину четвёртый год, но никак не могла привыкнуть, потому и сидела за рулём напряжённая, как на экзамене по вождению, хотя опыта кое-какого уже набралась: уверенно переключала передачи, не боялась спутать педали тормоза и газа. За руль ей пришлось сесть после развода: надо же как-то добираться на дачу и обратно. Получив права, сразу купила машину — благо, имелись кое-какие накопления.

Грунт на дороге был глинистый: легко сесть

на дно или даже скатиться вниз к реке по откосу, размытому мутными потоками воды. Олеся благополучно проехала по всем колеям, в которых стояла вода. Поднялась по щебёнке в гору и выехала на асфальтовое покрытие.

Сумерки уже сгущались. На небо выкатилась багровая луна, похожая на заходящее солнце. От её света над тёмной кромкой леса словно полыхал пожар. Дымка от облаков окутывала горизонт. Олеся съехала с дороги, в сторонке остановила машину и вышла. Она глаз не могла оторвать от зрелища, которое не каждому удаётся увидеть хотя бы раз в жизни.

На улице пахло сыростью, веяло прохладой. Олеся поёжилась и застегнула кофту. Было на удивление тихо, только какой-то заплутавшийся в траве кузнечик пиликал, призывая самку к любви под такой экзотической, будто умирающей от травм луной.

Светило медленно исчезало под чёрной вуалью, точно лицо под паранджой, — и вот, наконец, остался только тоненький краешек, похожий на глубокую рану. Потом луна начала медленно открывать круглое лицо. Словно вдвигая платок сдвигала на затылок, лик её светлел и вскоре засиял голубоватым светом.

Отчего-то Олесе стало тревожно. Она почувствовала, что холод пробирается под её кофту, заползает холодной ящеркой.

23

Пора ехать... Олеся села в машину и поехала по шоссе. Дорога была почти пустая. Так добралась до окраины города. Забелели частные каменные домики, опрятные, с выложенным на фасаде орнаментом из красного кирпича. В палисадниках блестели лакированными боками машины. Редкие фонари освещали улицу, но их было недостаточно. Фары дальнего света на Олесином автомобиле ошупывали дорогу.

Как всё произошло, Олеся не поняла. Раздался глухой удар, какой-то тёмный мешок взметнулся над капотом и шмякнулся на землю. Олеся со всей силы выжала педаль тормоза. Машина, дернувшись, резко остановилась.

Скинув ремень безопасности, Олеся выскочила из машины. В нескольких метрах от нее,

на шоссе, лежало тело ребёнка лет десяти. Под головой его блестела тёмная лужа. Цепenea от ужаса, Олеся подумала: «Откуда он вывернулся? Здесь же перехода нет...»

С облегчением увидела, что ребёнок пошевелил правой рукой. Это был мальчик. Он лежал на боку, скрючившись, без обуви... «Неужели и ботинки от удара слетели?» — не ко времени подумала Олеся.

Кинулась назад к машине. Схватила свою куртку, накрыла ребёнка.

Голова у нее шла кругом. Потемнело в глазах, в ушах сначала пискливо зазвенел комарик, потом она услышала шум от поднявшегося ветра, какой бывает от винтов турбин взлетающего самолёта. Олеся казалась, еще немного — и она потеряет сознание. Пошатываясь, вернулась к машине, вытащила из сумочки таблетки от давления и всухую проглотила одну. Мысли метались, как мошки перед плафоном на дачной веранде: кучей и бестолково... Надо было вызвать скорую! Может, самой везти ребёнка в больницу? Почему он ночью оказался на улице? Что сказать его родителям? Пошатнувшись, обесилевшая Олеся осела прямо на проезжую часть и прикрыла веки.

Совсем рядом раздался шорох шин, хлопнула дверь авто.

Олеся разлепила веки. Над ней склонился незнакомый мужчина. Он спрашивал, что случилось, чем помочь. Олеся указала в сторону мальчика. Мужчина бросился к нему, и Олеся, с трудом поднявшись на ноги, поплелась туда же. Когда она увидела, что лужа крови вокруг головы ребенка увеличилась, опять стала оседать на асфальт. Мужские руки подхватили Олеся и затащили на заднее сиденье её машины.

Что было дальше, Олеся не знала — наступил обморок. Она пришла в себя, когда в ее сознание пробился звук сирены. Приехали сотрудники дорожно-патрульной службы, почти сразу — и скорая. Вокруг мальчика уже суетились врачи.

В Олесину «Ниву» заглянул гаишник и предложил ей перейти в служебный автомобиль.

Оба инспектора сидели на передних сиденьях. Тот, что постарше, повернувшись в сторону Олеси, начал ей рассказывать:

— Сейчас ситуация такова: ты сбила пешехода и автоматически виновата, но, поскольку сбила вне пешеходного перехода, есть смягчающий фактор. Если мальчик умрёт в больнице, то, однозначно, будет суд. Тебе тогда светит минимум год-два условно. С другой стороны, твой автомобиль находился в правой полосе, и это позволит тебе побороться за себя, напирая на внезапное появление пацана на проезжей части. Схему мы составили максимально подробную. Есть свидетель — мужчина, который нашел тебя на дороге. Контакты он оставил. Кстати, вот, он просил тебе передать, — инспектор сунул Олеся в руки клочок бумаги, на котором она увидела цифры — номер телефона и имя Игорь. — Сейчас, — продолжал гаишник, — мы с тобой проедем на экспертизу, там возьмут анализ на алкоголь. Вызови кого-то — ну, друзей или родственников, — попроси, чтобы отогнали твою машину.

Звонить Олеся было некому, помощи ждать неоткуда.

24

В наркологии Олеся сорок минут ждала, когда придёт врач. В руках крутила листок с номером телефона случайного знакомого. Наконец решилась, подошла к стационарному телефонному аппарату и набрала Игоря. Говорила, заикаясь, перекаывая камешки на языке:

— Игорь! Не спите ещё? На дороге... Помните?.. Да, я... Сажу, жду экспертизы. Мне сказали, что мои близкие могут отогнать машину домой... Только у меня нет никого, кто водит машину... Вы бы не могли мне помочь доставить мою машину в гараж? Вы же знаете, где она осталась... За плату, разумеется. Я бы отдала вам ключи. Могу поехать с вами... Вот только самой за руль садиться... Понимаете... Руки дрожат...

Игорь не сразу, но согласился помочь.

— Сколько вы хотите? — нотки радости появились в голосе Олеси.

Игорь назвал сумму — немаленькую, но Олеся была довольна и тем. Договорившись, опустила трубку и облегченно вздохнула. Хотя с одним вопросом ясность есть.

Теперь она прокручивала в голове последние

три часа своей жизни. Сердце в груди замирало от предчувствия, что ребёнок не выживет.

Наконец пришёл врач. Олесе вручили баночку и в сопровождении женщины-инспектора отправили в туалет. Анализ мочи на алкоголь оказался отрицательным. Врач выдал соответствующее заключение, и Олесю отпустили.

25

Ночь. На часах было десять минут первого.

Олеся опять позвонила Игорю и сообщила, что освободилась. Попросила его взять такси, которое должно довезти их до места аварии.

Через четверть часа Игорь приехал на своей машине. Олеся села на заднее сиденье. Ехали молча: Олеся была не в состоянии разговаривать.

Она смотрела за окно, видела лишь траурную кайму леса, спящие домики с потухшими глазами окон, будто потемневшие от горя.

Минут через двадцать они прибыли. Вышли из машины. Олеся старалась не смотреть на то место, где совсем недавно лежал мальчик.

— Как же так получилось? Откуда он взялся? — растерянно спросила своего нового знакомого Олеся.

— Да кто же его знает? — Игорь пожал плечами. — Убегал от кого-то или играл... Вряд ли тебя признают виновницей. Тут перехода нет... Только бы шкет выжил, и с родственниками надо договариваться по-хорошему. Деньги бы предложить сразу... Родственников-то не видела ещё?

— Нет...

Тросом Игорь прикрепил Олесину «Ниву» к своей машине. Олесе командовал занять водительское место.

— Поехали! — крикнул Игорь в открытое окно и начал движение.

На обратном пути Олеся смотрела впереди себя на дорогу, вглядывалась в чёрную тьму, и ей всё время казалось, что вот-вот под колёса метнётся человек. Ночная трасса была пустынной. Лишь редкие огни от фар встречных машин пронизывали тьму издалека, будто сигнальные огни идущего на посадку самолёта. Эти огни стремительно приближались, становясь похожими на полную луну, спустившуюся поближе

к земле... По крайней мере, так Олесе казалось.

Во дворе Игорь сам загнал Олесину машину в гараж. Правда, пришлось поковыряться с замком. «Заржавел, смазать надо», — заключил Игорь.

Олеся растерянно пожала плечами, потом расплатилась со своим спасителем и поблагодарила его. Наконец пошла в свой подъезд.

26

Едва она вошла в квартиру, включила свет, Еразрыдалась. Лежащий на асфальте в луже крови мальчик стоял перед глазами. Олеся повалилась на диван, чувствуя, что не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой... Слёзы катились неистощаемым потоком, будто внутри у неё что-то прохудилось.

Дрожащими руками открыла домашнюю аптечку. Проглотила пару таблеток валерьянки и одну грандаксина и пошла в ванную, по пути скидывая с себя одежду. Сил стоять под душем у неё не было — она опустилась прямо в немытую ванну. Вода немного привела Олесю в чувство. Когда она вышла из ванной, на часах была половина пятого утра и хмурый рассвет заглядывал в окна. Слышно было, что дворник начал мести тротуар, шкрябая метлой. А Олеся в этом звуке мерещился шорох тормозящих шин.

Перед её глазами ползли будто в замедленной съёмке кадры... Вот мальчик выбегает на дорогу, словно за ним кто-то гонится. Вот от удара его подкинуло над капотом. Затем мальчик переворачивается несколько раз в воздухе, точно акробат на батуте. Вот его тело в неестественной позе лежит на асфальте.

Олеся прилегла на диван. Она то проваливалась в поверхностный тревожный сон, то просыпалась и смотрела, как выцветает за окном ночь.

За окном маячило серое утро.

27

Вреанимацию Олесю пускать не хотели, но после того, как она сказала, что сбита мальчика и желает помочь, сжалились. Там же, в отделении реанимации, она зашла в ор-

динаторскую переговорить с лечащим доктором. Молодой врач обрисовал Олеся состояние ребёнка: открытая черепно-мозговая травма, перелом рёбер, открытый перелом большой берцовой кости. Врач сказал, что мальчика готовят к операции и на данном этапе помочь она может только хорошими дорогостоящими лекарствами.

Выйдя от врача, на лестнице Олеся встретила женщину с невымытыми волосами, довольно ещё молодую, опухшую от слёз. От неё несло перегаром. Олеся догадалась, что это и есть мать мальчика, хотела окликнуть её и покаяться, но вид отпугнул. Олеся решила, что попробует сделать это завтра, когда привезёт лекарства.

Когда наутро Олеся вернулась в больницу с лекарствами, врач встретил её в коридоре. Он рассказал, что мальчику была сделана операция, в ходе которой кости черепа установили на место и закрепили их.

— В общем, — продолжил врач, — сейчас ребёнок в тяжелом состоянии, но стабилен. Медикаментов у нас достаточно, пока хватит. Но я еще напишу, что потребуется позднее. Вы понимаете, — объяснялся доктор, — медикаменты в больницу поступают самые дешевые. Но есть гораздо более эффективные средства, которых нам не привозят. Их надо покупать. Медсестёр в смене две. Почти всё время они находятся на посту, лишь раз в два-три часа обходят палаты. А больных много, сами видели. Но медсестрам можно доплачивать, чтобы они чаще заходили к пациенту.

Олеся ловила каждое слово доктора и согласенно кивала. И эти расходы она решила взять на себя.

28

Через пару дней Олеся пришла к следователю — её вызвали. Игоря пригласили тоже.

Следователь вёл разговор к тому, чтобы об условном сроке Олеся даже и не мечтала: при всех смягчающих обстоятельствах два года колонии — это минимум, что ей светит.

Домой Олеся вернулась совершенно выбитой из колеи. Спала очень плохо, хоть и глотала успокоительное. Когда удавалось уснуть, ей снился один и тот же сон, так похожий на явь.

Машина налетает на что-то мягкое и от удара разворачивается и врезается в высокий забор из бетона. Капот сплющивается в лепёшку, превращаясь в искорёженное железо. Она налетает грудью на руль и теряет сознание...

29

В один из дней раздался телефонный звонок.

— Олеся Фёдоровна? Здравствуйте! Вас беспокоит Вагапов из экспертного бюро. Не могли бы вы приехать? Есть разговор.

Через час Олеся была у него. Обходительный чудо-эксперт заботливо объяснил ей ситуацию: результаты будут «хорошие», если она даст «побольше».

У Олеся не было таких денег, да и на лечение мальчика требовались немалые суммы. Не зная, как поступить и что еще предпринять, пошла к следователю, всё ему рассказала.

Следователь никак не отреагировал на её слова. Сидел с непроницаемым лицом, но выслушал, не обрывая. Потом невозмутимо выдавил из себя:

— Ладно, давайте подождём результата.

30

Через неделю пришло заключение экспертизы. В нём говорилось: «Расстояние от автомобиля до места столкновения — 30 метров, скорость движения транспортного средства — 30 км/час. Вывод: водитель располагал технической возможностью избежать ДТП, но не предпринял попыток сделать этого».

Олеся была в ярости. Её скорость была примерно семьдесят километров в час, а ребёнок вывернулся неизвестно откуда. Секунды не прошло, как случилась трагедия, перечеркнувшая Олесину размеренную жизнь.

Знакомые советовали требовать повторную экспертизу и заплатить... Олеся ничего не оставалось — согласилась. А Игорь, как оказалось, ушлый и опытный товарищ, помог ей повернуть дело — передал деньги, договорился обо всём.

Через месяц пришли новые результаты: «Расстояние от автомобиля до места возникновения помехи — 1 м, скорость автомобиля —

65 км/час, время реакции — 1 секунда. Водитель транспортного средства не располагал технической возможностью избежать ДТП».

Когда ход дела переменился, следовательно настоятельно стал советовать Олеся договориться и с матерью мальчика. Тогда есть вероятность, что обойдётся без судов.

31

Олеся по-прежнему каждый день ходила в больницу — то приносила медикаменты, то деньги медсёстрам и санитаркам, ухаживающим за мальчиком. Он был уже в сознании. Ему стало лучше, но пока оставался очень слаб. Лежал в гипсе, бинтах, лишь мутные глаза пойманного зверька сверкали из-под перевязки.

Олеся узнала, что зовут его Илья. Медсестра сказала, что мать в палате давно не появлялась.

Жалея ребенка, Олеся купила плюшевого тигрёнка, подумала, что ему будет веселее лежать с ним в обнимку в палате.

— Привет! Смотри, я тебе принесла друга.

Мальчик чуть повернул к ней забинтованную голову. Олеся осторожно положила игрушку к нему на одеяло.

— Спасибо, — еле слышно выдавил он.

Откуда ни возьмись на пороге палаты появилась его мать.

— Ах ты гадина!!! — провизжала мамаша. — Сына мне уродом сделала, сволочь! И так жрать нечего, а тут ещё и это! — кулаки со всей силы забарабанили по Олесиной груди.

Каждый удар отдавался в груди Олеси нестерпимой болью. Ослабленная переживаниями и бессонницей, она и сама тяжело отходила от пережитого. Серая пелена, как грозовая туча, затуманила глаза, и Олеся медленно поплыла куда-то к свету.

Очнувшись на соседней койке: женщина в белом халате склонилась над ней, поднесла ватку с запахом нашатыря к носу. Олеся почувствовала резь в ноздрах. Огляделась: матери мальчика в палате не было.

Через пару часов Олеся пришла в себя и поехала домой. А вечером ей позвонил агент, к которому она обратилась насчет продажи автомобиля, и сказал, что нашёл покупателя на «Ниву».

Олеся положила трубку и прикрыла глаза ладонью — мысленно прокручивая события дня, она вновь расплакалась. И вдруг снова — пронзительный и требовательный звонок телефона. Сглотнув подступивший ком в горле, ответила. Это звонил Игорь.

— Здравствуй! Вот решил узнать, как у тебя дела.

Олесю растрогал этот неожиданный звонок от едва знакомого человека. С трудом сдерживая слёзы, она рассказала ему о том, что случилось в палате реанимации.

Игорь терпеливо выслушал.

— Хочешь, я попробую с тобой пойти? Попробуем вместе договориться с мамашей, — бодро предложил Игорь.

Олеся с благодарностью согласилась принять помощь.

32

Семья Илюши жила в частном секторе. Дом был деревянный, очень старый, накренился, как тонущий пароход. Калитка закрывалась на ржавую щеколду, которую Игорь легко открыл, просунув руку снаружи.

Посетители вошли во двор. В нос ударил аромат подгнивших яблок. Опавших плодов было так много, что, направляясь к дому, Игорю и Олеся приходилось через них перешагивать, выбирая место, куда ступить. У крыльца рядом с пустыми тазами и вёдрами валялся футбольный мяч. По обе стороны от дорожки были разбиты грядки, с которых уже, видимо, сняли урожай, чуть в стороне — теплицы.

Дверь в дом оказалась приоткрытой, из неё сочился мутный свет. Игорь громко постучал. Никто не отозвался. Тогда посетители вошли внутрь, они оказались в коридоре с неокрашенными дощатыми стенами. Тут же валялся подростковый велосипед, обувь, какая-то грязная заношенная одежда; пахло чесноком и перебродившим вином. Они прошли дальше, увидели дверь, заглянули внутрь. Кухня! Здесь давно не прибирались. На столе, на тумбе у раковины — немытая посуда с остатками прихваченной пищи.

— Гляди, самогонный аппарат! — шепнул Игорь и кивнул на агрегат.

Олеся раньше никогда не видела такого прибора. Рядом с ним стояла банка с желтоватой жидкостью.

— Позвать, что ли, хозяйку? — чуть громче спросил Игорь, посмотрел на Олесю. — Знаешь, выйди пока на улицу, там подожди. Я начну сам... Думаю, так лучше будет, а то мало ли... Сама понимаешь...

Олеся по коридору выскользнула во двор, а Игорь прошёл дальше.

В конце коридора находились ещё две двери, одна из них была чуть приоткрыта. Он постучал. Опять никто не отозвался. Заглянул в комнату, освещенную единственной лампочкой. Человек прямо в одежде спал на большой кровати, застеленной коричневым клетчатым пледом. Догадался: наверно, это и есть хозяйка. Так и есть, женщина! Она похрапывала с присвистом, напоминая скрип несмазанных дверных петель. К груди женщина прижимала пустую бутылку. На полу валялась ещё одна. В комнате царил такой же беспорядок, как в кухне. Была разбросана обувь, какие-то коробки, одежда, вероятно, съехавшая со спинки стульев. На обеденном столе, покрытом затёртой клеёнкой, стояла пол-литровая банка, почти доверху набитая окурками, и грязная тарелка с присохшей пищей. Рядом — огрызки яблок.

Игорь нерешительно потоптался на пороге, постучал по косяку и закашлял — хозяйка лишь захрапела сильнее.

— Мария Николаевна! К вам можно? Я тут с гостинцами... — громко сказал посетитель и тут же сделал шаг назад, в коридор — на случай, если хозяйка проснется и возмутится вторжением чужака.

Теперь женщина закричала, сонно спросила:

— Кто там? Обождите, сейчас выйду.

Минуты через две дверь комнаты распахнулась, на пороге появилась опухшая Мария Николаевна.

— Вы кто? А я тут прикорнула немного... Как с Илюшей у меня случилось... эт-то... сына у меня машина сбила... так я сон потеряла. А теперь предел наступил — прихожу из больницы — и сразу в спячку.

— Да я, Мария Николаевна, знаю всё... Я ж свидетелем по делу прохожу, видел аварию,

ехал сзади. — Игорь старался говорить с сочувствием. — Вы, может, разрешите мне пройти? Я расскажу всё, что видел в тот вечер... Вот подумал, что вы мучаетесь. Вам хочется, наверно, узнать, как всё произошло... Я расскажу...

— Ну, заходи, — хозяйка отступила на шаг, впуская в комнату посетителя. — Видела я эту фифу. Гнида! — женщина сплюнула на пол и указала Игорю на табурет.

В лицо ему плеснул сивушный запах, но мать мальчика уже, кажется, проспалась и вполне была готова к разговору.

Игорь неторопливо начал пересказывать события того вечера:

— Ваш сын выскочил на дорогу перед движущейся машиной. Водитель не виновата, но переживает, что покалечила мальчика. Она каждый день ездит в больницу, платит санитаркам и медсёстрам, приносит лекарства. Она женщина одинокая, продала машину, чтобы были деньги на лечение вашего сына. Вы ведь небогато живёте? Вам и самой деньги не будут лишними. Если бы вы приняли от неё компенсацию, дело бы закрыли. Суды вам ничего не дадут, её оправдают. Вот увидите! Я читал заключение эксперта: предотвратить наезд она не могла. Вас обвинят, что плохо смотрели за сыном, родительских прав лишить могут... А так вы с сыном съездили бы отдохнуть на море, дом бы отремонтировали. Подумайте хорошенько.

Женщина тупо смотрела на Игоря. Лицо её выражало трудную работу мысли. Дрожащие пальцы, изъеденные коричневыми трещинами, обхватили пустой стакан, постучали им по столу и согнали жирную муху. Муха начала кружиться над столом, а потом села Игорю на щеку. Он дёрнулся — и муха снова стала наворачивать круги над столом, пока не опустилась к нему на лоб. Он стукнул себя по лбу, но ловкая муха продолжила своё кружение дальше.

Мария Николаевна встала из-за стола, достала из шкафа бутылку, заткнутую пластиковой пробкой.

— Обожди, я сейчас.

Вышла из комнаты, но скоро вернулась, неся в одной руке второй стакан, а в другой — жёлтое эмалированное блюдо с солёными огурцами.

— Что-то я на трезвую голову не могу с тобой разговаривать. Как Илюшу эта сволочь сбила, я

вообще без допинга не могу... — Плеснула в оба стакана желтоватой жидкости, но немного, четверть стакана примерно. Выпила из своего.

— Будешь? Не бойся, не отравишься. Гоню из сахара... У меня ведь Илюша младший. А старший, говорят, на зоне с крыши упал... Разбился насмерть. Врут, поди... Как там на крышу-то пустили? Его посадили за кражу и разбойное нападение. Но он не один был. Связался с дурной компанией, пока я с Илюшей на сохранении лежала... Отцы у них разные — и оба смылись, как только узнали, что я беременна... Все мужики — козлы. Что смотришь? И ты козёл! — женщина отмерила себе ещё треть стакана самогона и залпом выпила.

Мутный, точно мыльная вода, взгляд Марии Николаевны, сосредоточившийся на бутылке с желтоватой жидкостью, начал темнеть, её зрачки превратились в два чёрных самореза и ввинчивались теперь в кадык незваного гостя.

Игорю стало не по себе, подумал даже: «Чёрт возьми, связался...» Продольные морщины на лбу Марии Николаевны углубились, затем немного разгладились, но внезапно их перерезали поперечные складки.

Игорь в разговоре опять мягко, но настойчиво клонил к тому, что в случившемся виновата и мать, потому что ребёнок был предоставлен самому себе, а значит, родительских прав на сына её могут лишить, попутно подливал ей в стакан самогону, подкладывал закусь — резаные огурцы, дольки яблок, которые тут же чистил, попутно захватив в свои руки нож, лежавший на столе.

Пьяная Мария Николаевна расплакалась. Игорь утешал ее, заодно втолковывая, что деньги не помешают: подлечить сына, подновить дом да мало ли еще на что...

33

Час шёл за часом. Олеся всё это время ждала в машине. Когда стемнело, она заметила, что в окне вспыхнул зеленоватый свет: значит, зажгли лампу.

Сумерки сгущались, ночь дышала холодом, сыростью, поднявшийся ветер стал подкидывать в воздух осенние листья.

Наконец дверь дома отворилась, на крыльце

появился Игорь. Он махнул Олеся, чтоб шла в дом. Она тут же выскочила из машины и последовала за ним, прижимая к груди сумочку.

Обмякшая от хмеля Мария Николаевна сидела за столом, привалившись на него грудью.

Олеся настороженно огляделась. Поймав её взгляд, Игорь ободряюще кивнул ей. Тогда Олеся открыла сумочку и вынула приготовленную пачку купюр, положила её на стол перед Марией Николаевной. Та как будто встряхнулась, начала пересчитывать деньги, беззвучно шевеля губами. Лицо её вдруг порозовело, лихорадочный румянец играл на щеках, бисеринки пота выступили на лбу, выгоревшие глаза налились цветом.

Потом Мария Николаевна сидела под зелёным абажуром, низко склонившись над листом бумаги, услужливо подсунутым Игорем, и вводила, как ни странно, ровным и красивым почерком расписку — точнее, переписывала с образца, лежащего тут же на столе.

34

Копию расписки Марии Николаевны приобщили к делу. Следовательно сказал, что судебно-медицинская экспертиза оценила травмы Ильи как вред средней степени тяжести. Мальчик шёл на поправку, происшествие теперь квалифицировали как «внезапное появление пешехода на проезжей части» и передали административной комиссии.

Теперь для Олеси появилась надежда на благополучный исход. Но душевного покоя не было. Она боялась приближения ночи, мучилась от бессонницы. Когда наконец удавалось ненадолго уснуть, ей снились кошмары: то какие-то призраки преследовали её, то мёртвый ребенок на дороге, то она проваливалась куда-то под землю и летела в чёрную пропасть. Во время этих падений Олеся часто просыпалась, лежала в темноте, прислушиваясь к ночной жизни дома, — ей слышался то детский плач, то смех.

35

Прошло ещё два месяца. У Илюши дела обстояли неплохо, его выписали домой. Олеся решила оплатить ему курс реабилита-

ции. Поговорив со знакомыми, узнала о неплохом санатории в области — как раз для детей. Оказалось, там же работает и Олесина соседка по даче. Созвонившись с ней, она окончательно утвердилась в мысли отправить Илюшу именно туда.

К тому времени дело о ДТП было закрыто. Водительские права Олесе вернули, но переживания отбили желание садиться за руль, да и машина была уже продана.

36

Незаметно подступила зима. В ночь на первое декабря выпал снег и припорошил город. Олеся шла по улице, подмечая, как изменилась зимняя улица. Фонарный столб, заматанный белыми бинтами объявлений... Стекланный колпак частично расколот — видимо, хулиганы бросили камень — будто глаз выбили. Белая улица напомнила Олесе реанимационную... Когда она поймала себя на этой мысли, испугалась. Тут недолго и с ума сойти. Нет, так не пойдёт. Дальше она шла, упорно отгоняя от себя больничные ассоциации. А снег падал крупными хлопьями и казался пухом из вспоротой подушки. Вокруг сновали по своим делам люди, мелькали машины, но никому не было дела до Олеси. Казалось, в эти минуты в душе у неё впервые за много месяцев появился покой.

37

Под Новый год Олесе позвонила знакомая по даче — та самая, что работала в санатории, где находился Илюша. Она сообщила, что мать к нему так и не приезжала, а сам он подхватил пневмонию. Ослабленный организм не выдержал — наступил острый сепсис. Мальчик сгорел за считанные дни.

От таких новостей Олеся трясло несколько дней. Мысли скакали галопом: то она винила себя, то мать, то врачей. Оказывается, это так легко — убить человека... Детский плач звучал в ее голове. Порой Олесе казалось, что она сходит с ума: ей виделось какое-то облако, на нём Илюша, но стоило протянуть к нему руки — он исчезал.

В один из выходных ей было настолько тяжело, что она села на пригородный автобус и поехала на то место, где произошла авария. Вышла на остановке недалеко от дома Марии Николаевны. Опасаясь привлечь внимание местных, шла к месту аварии, отворачивая от прохожих лицо. Наконец дома кончились. Машины летели ей навстречу с вкрадчивым шёпотом шин и проносились мимо.

Вот оно — то самое место... Олеся обмерла: над ним белое облако. Если бы она могла включить рассудок, то поняла бы, что белый дым — это пар от проходящей под шоссе трубы с горячей водой, здесь же теплотрасса. Но рассудок парализовало: Олесе казалось, в этом облаке она видит лицо Илюши. Ей стало по-настоящему жутко, и она, боясь оглянуться, торопливо пошла в сторону посёлка. Ноги принесли к дому, где жила Илюшина семья, походила вдоль забора, пытаясь сквозь щели разглядеть, что происходит во дворе. Людей там не было, дом молчал.

Плодовые деревья стояли прикрытые снегом, как покойники в саванах. Олеся кинула взгляд на крышу и вдруг опять увидела Илюшу. Он был в том облачке дыма, что тянулось из печной трубы ввысь, в холодное небо. Холодный пот выступил у Олеси на теле, и она понеслась назад, к шоссе. Свежий снег мягко поскрипывал у неё под ногами.

Как вернулась домой, и сама не помнила. Каким-то чудом ноги принесли её к остановке автобуса. Замерзшая Олеся сидела на скамейке, едва соображая, что происходит. Когда подъехал автобус и раздвинулись двери, она на автомате вошла внутрь. Уснула, стоило сесть на мягкое сиденье.

38

Февраль начался оттепелью. Пронзительно пахло весной. Талая вода в лужах баюкала кучевые облака. В холода уже не верилось, хотя рассудок понимал, что они ещё вернутся. Солнце, зимовавшее за облаками, вдруг скинуло белые пуховые одежды и предстало во всём своём великолепии.

Олеся тяжело переживала смерть Илюши, забыть о таком невозможно.

Нередко вспоминала она и об Игоре. Ей хотелось отблагодарить его за помощь. Но как? Наконец придумала. Купила для него дорогой коньяк и кортик, который был, конечно, новоделом. С коньяком всё ясно, а почему именно кортик — этого Олеся и сама не знала, так ей посоветовал продавец в магазине. Но вещица, надо признать, была изготовлена мастерски, а подарок был приурочен к 23 февраля — как-никак День защитника.

Несколько раз Олеся пыталась дозвониться до Игоря — телефон не отвечал. Он исчез, растворился в пространстве.

И вдруг неожиданно перед 8 марта позвонил Олеся сам. А та уже и не ждала его звонка. Игорь спросил, как у неё дела. В ответ она расплакалась и рассказала, что случилось с Илюшей в санатории. Игорь помолчал, обдумывая ситуацию, наконец предложил встретиться в кафе, чтобы развяться.

Выходить из дома зареванной не хотелось.

— А давай приходи ко мне, — сказала Олеся.

Через час Игорь уже стоял перед её дверью. Он принёс пирожки из ближайшего супермаркета, бутылку красного вина. Хозяйка выставила кое-какую нарезку, конфеты. Выпили за то, что история наконец-то закончилась. Разговор не клеился, ради приличия обменивались короткими фразами. Олеся сдерживала себя, чтобы не разреветься, погибший мальчик не выходил у неё из головы. Да и что говорить — всё ясно, а тема бездонна, за каждой страшной картиной океан боли, невыплаканных слёз.

Наконец она захмелела. Образ Илюши затёрся в её воображении. Теперь Олеся отстраненно наблюдала за Игорем. Выражение лица его быстро менялось. Ей даже показалось, что они стоят на разных железнодорожных платформах, а между ними летит состав. В промежутках между вагонами мелькает Игорь — такой далёкий, переменчивый. Олеся поднесла бокал к губам, получилось это неловко, оттого ударились зубами о хрустальный край. Она встрепенулась, кроваво-красное вино выплеснулось на столешницу.

И тут крепкая мужская ладонь накрыла её кисть, лежащую на столе, словно бабочку сачком. Ощущая прикосновение Игоря, Олеся чуть прикрыла веки, ей стало спокойно. Ей по-

думалось, что если бы не та драма на ночном шоссе, она бы не познакомилась с Игорем, который стал ей дорог и даже необходим. Это vino как будто растворило в ней воспоминания о погибшем ребенке, а вместе с ними страх, боль, отчаяние. Неужели всё кончилось и можно жить спокойно?

Олеся, вымотанная долгими переживаниями, обмякла, крупные слёзы покатались по её щекам.

— Ну что ты! Перестань, перестань. Всё кончилось. Надо жить дальше и ни о чём больше не думать... — Игорь обнял её и погладил по вздрагивающим лопаткам, успокаивая, точно зарёванного ребёнка.

Она подняла на него глаза, и он поцеловал её губы.

В тот вечер их любовь была нежна и осторожна. Под утро, включив настольную лампу, проснувшаяся Олеся наблюдала за спящим Игорем. Она впервые разглядела в нём на его висках. Почувствовав на себе взгляд, он открыл глаза, и теперь Олеся заметила, что они у него зеленые — словно светлячки на свободном такси. «Извините, такси занято, — улыбнувшись, подумала Олеся. — Я его уже поймала. Проходите мимо».

39

Игорь переехал в квартиру Олеси.

Первый год совместной жизни прожили хорошо. Они дополняли друг друга, как кислота и сладость в антоновском яблоке. Общих интересов у них не было, так что корабль семейной жизни мог бы пойти ко дну от незначительного шторма. Но то было время штиля, а бурю Олеся уже пережила, причём Игорь послал ей спасательную шлюпку. Благодарность вынуждала Олесю промолчать, когда хотелось спорить, отстаивать свой взгляд на вещи.

Им нужен ребёнок. Ребёнок — это будущее. Совместное будущее. Так решила Олеся. Она ходила по врачам, пытаясь забеременеть, но не получалось — сказывались последствия аборта.

К третьему году совместной жизни мысль о ребёнке стала для Олеси навязчивой. Страх, что Игорь может бросить её, потому что она не в состоянии родить, засел в её голове и мешал

жить. Окружающие то и дело намекали: пора, мол... А Игоря совершенно это не заботило, на такие намёки он отшучивался или молчал. Олеся же всё больше замыкалась в себе. Ей казалось, что между ними стоит лёд отчуждённости, непонимания — он пугает. А если растает?.. Что тогда останется между ними?..

Часто Олеся возвращалась мыслями в тот страшный вечер, когда сбила Илюшу. Ту историю хотелось навсегда стереть из памяти, но именно она и стала началом новой жизни для Олеси — она встретила Игоря. Тогда, на дороге, в Олесе что-то сломалось, какая-то важная деталь, и это мешало ей счастливо жить дальше. Ночные кошмары вернулись к ней: снилось то тело мальчика на шоссе, то нерождённая девочка. Причем по прошествии лет смерть нерожденной девочки стала казаться Олесе еще более ужасной, чем смерть Ильи: гибель Илюши — это несчастный случай, а свою дочь она убила сама. Голубоглазая светловолосая девочка в розовом платице с воланом по подолу и рукавами-крылышками, напоминающими крылья ангела, протягивала к Олесе руки. Глаза её были влажными, по щеке катилась слеза, а губы дрожали. Она как будто собиралась зареветь в голос, но держалась.

Олеся просыпалась в холодном поту, вспоминала о том, что она когда-то наделала. И тоска сжимала горло, на сердце лежала тяжёлая плита. «Это всё нервы...» — думала она.

40

Отчаявшись ходить по врачам, Олеся стала задумываться об усыновлении. Берут же брошенных детей в семьи — и ничего. Вполне счастливы. Эта идея всё больше увлекала Олесю, она давала ей надежду на будущее. Олесе казалось, что так она искупит вину за убитых ею детей, — если поможет маленькому одинокому человечку обрести семью.

Она вынашивала эту мысль, но не решалась поделиться ею с гражданским мужем. Наконец в один из вечеров призналась Игорю.

В ответ его слова окатили ледяной водой:

— Это авантюра чистейшей воды! Похлеще затыжного прыжка с парашютом! Ты представляешь себе вообще, какая наследственность у

этих детей и что из них может получиться?!

Олеся закусил губу, чтобы не расплакаться. Настаивать не решилась, но саму идею не оставила. Выждав больше полугода, вновь попробовала поговорить об усыновлении с мужем. Едва сдерживая слёзы, Олеся жаловалась ему, что измучилась: мертвые дети не выходят из головы, она чувствует холодность Игоря. На этот раз он больше отмалчивался, не пререкаясь с женой. Когда слёзы потекли по её щекам, губы его дрогнули, он отвернулся от Олеси и вышел из кухни. Олеся поняла, что муж сдался.

41

Олеся и Игорь жили без регистрации брака. Олеся решила оформлять приёмного ребёнка на себя. Она прошла все необходимые процедуры: окончила курсы приёмных родителей, собрала документы, выдержала собеседование. Официально став кандидатом, начала присматривать детей, хотелось взять мальчишку от года до трёх лет. От предвкушения долгожданного счастливого материнства у Олеси в груди всё трепетало. А каким же оно ещё может быть? Конечно, только счастливым и никаким другим. Воображение давно рисовало ей очаровательного пухлощёкого малыша.

Даже Игорь стал проявлять интерес к этой затее — пошёл с Олесей в опеку. Там перед ними положили объёмистую папку детских фотографий. Перебирая фото, Олеся отложила в сторонку несколько снимков, ей подали медицинские карты этих детей. Она вчитывалась в выцветшие иероглифы докторов на желтоватой бумаге и ничего не понимала. Сотрудница опеки велела Олесе и Игорю остановиться на трёх малышах, а потом на одного из них им выпишут направление на знакомство. Если ребёнок не понравится, то надо писать отказ и ехать за разрешением для встречи со вторым ребёнком и так далее. Все детки были в одном детдоме, но сразу посмотреть троих было нельзя.

Олесе приглянулся Кирилл — улыбчивый маленький блондин со славянскими чертами лица и большими голубыми глазищами. Игорь взглянул на фото и улыбнулся малышу в ответ. Решили начать именно с него.

42

В назначенное время Олеся и Игорь пришли в дом ребёнка.

Первым делом их отправили к главврачу. Та спросила:

— Может, сначала узнаете диагнозы?

Олеся кивнула вместо ответа.

И врач без вступлений стала рассказывать:

— ...Мамаша нигде не наблюдалась... Поступила ночью без документов... Третьи роды, шестая беременность... Роды на сороковой неделе, доношенный. Ей 34 года, про отца ничего не известно... Родила и самовольно ушла из больницы... Родительских прав на Кирилла её уже лишили. Более-менее здоров...

Олеся рассеянно слушала главврача и опять кивала. Ей хотелось одного: как можно скорее увидеть малыша.

Наконец воспитательница привела их с Игорем в детскую комнату. Олеся села на маленький стульчик и с замиранием сердца стала ждать.

Спустя минут пятнадцать в комнату вошла нянечка с мальчиком на руках. Он был такой маленький, почти крошечный! Эти огромные глаза, обрамлённые густыми чёрными ресницами, осмысленный взгляд... Малыш сосредоточенно изучал Олесяно лицо.

Нянечка робко заметила:

— Ой, а он на вас похож!

В первые минуты знакомства Кирюша смотрел на Олеся с недоверием и страхом. Потом губы его капризно изогнулись и мелко задрожали, слёзы выступили на глазах. Малыш громко заревел, плач его показался Олеся жалобным кошачьим мяуканьем.

Нянечка поставила Кирилла на пол, и он тут же убежал в другой конец комнаты. Олеся вынула из сумки принесённую с собой шоколадку и, растерянно улыбаясь, направилась за ним. Наконец она присела на корточки и протянула мальчику угощение, и он решился подойти к ней. Малыш крепко-крепко сжал шоколадку в руке, так что она сломалась, но не попытался развернуть обёртку, а напряженно исподлобья уставился на Олеся.

Воспитательница шёпотом подсказывала:

— Ну, Кирюша, смелее! Не стесняйся!

Женщина подошла к мальчику, подхватила его на руки и передала Олеся.

Олеся уселась вместе с Кирюшей на стульчик. Всем телом она ощущала, как часто бьётся его сердечко. Ребёнок схватился за Олесин большой палец и не отпускал.

Подошёл Игорь и подал Олеся купленного накануне Чебурашку. Она надавила игрушке на животик, и Чебурашка издал смешной звук, а потом чётко произнёс: «Привет!» Кирилл посмотрел на умную игрушку с большим удивлением. Олеся нажала Чебурашке на грудь — тот пропищал: «Давай дружить!» На лице ребёнка появилась недоверчивая ухмылка.

— Сейчас мы поведем детей гулять. И Кирюша пойдет. Если хотите, можете пойти с нами, — предложила воспитательница.

Олеся согласно кивнула. Нянечка забрала у неё мальчика и понесла одевать.

43

Когда малыши показались на улице, Олеся и Игорь уже стояли во дворе, чуть в стороне от детской площадки. Детей почему-то не построили парами, как это делают обычно в садике, и они вывалили на широкое крыльцо гурьбой, но каждый из них был как бы отдельно, сам по себе. Так нестройной оравой они и пришли на детскую площадку.

Олеся достала из сумочки яркий флакончик и стала пускать мыльные пузыри, чтобы привлечь внимание малышни. Пузыри переливались радужными боками, кружились над детскими головами и, подхваченные осенним ветром, летели в сторону забора — на волю. Ребята с криками и хохотом бегали вслед за ними по площадке, пытаясь дотронуться.

Малыши спотыкались о камушки, затерявшиеся в траве, падали, а Олеся ойкала, волнуясь, что ушибутся. Но ни один малыш не плакал — поднимался и бежал дальше. А им всего-то годика по два — не больше, хотя выглядели и того младше.

За всю прогулку никто из них не заливался слезами, не кричал и ничего не требовал — никто, кроме Кирилла. Он неловко карабкался на качели, не мог на них залезть, срывался, пытался взобраться снова и требовательно пищал,

чтобы взрослые помогли. Но на Олеся малыш не смотрел, не реагировал на её обращение. Однако он принимал всё, что она давала ему в руки, тут же пихал в рот и жевал: печенье, упаковку сока, салфетки.

Как Олеся и думала, Игорь растрогался, глядя на сироток. Улыбался малышам, кого-то погладил по голове, с кем-то попытался поговорить. Кирюша ему понравился больше всех, и, улучив момент, Игорь тихонько сказал Олеся, что не жалеет, что они пускаются в эту авантюру. Добавил:

— Милый малыш! Будем надеяться, что справимся.

У Олеся как от сердца отлегло. Она предложила мужу взять ребёнка на руки, но тот к нему не пошёл.

Тем временем к ним подросла главный врач, наблюдавшая за кандидатами со стороны. Она подняла Кирюшу, сказала что-то ему на ушко и протянула Игорю. Теперь Игорь держал малыша, как хрустальную вазу. А главврач поспешила обратно в здание.

44

Когда прогулка подошла к концу, воспитательница повела детей в группу, а Олеся, оставив мужа в коридоре, направилась в кабинет заведующей.

Та сидела за столом, перед ней — стопочка пухлых папок. Заведующая кивнула посетительнице на стул, и она опустилась на него.

Заведующая испытующе посмотрела на Олеся, будто пыталась прочесть её мысли. Та вымученно улыбнулась в ответ.

— Кирилл — милый малыш, — первой нарушила молчание Олеся, затем, смущаясь, неуверенно добавила: — А покажите, кто у вас есть ещё...

Заведующая, перебрав стопку папок, отложила несколько, затем, развязывая тесёмки, вынимала из них отдельные листы.

— Вот, сами почитайте, — протянула Олеся выписки. — ВИЧ... гепатит С... генетика... органическое поражение центральной нервной системы...

Олеся невидящим взглядом уставилась на медицинские выписки. От волнения внутри у

неё всё завибрировало, она едва соображала, что читает.

— ...А Кирюшина мать сбежала из роддома, — продолжала заведующая. — Вы поймите правильно, здоровых среди сирот почти не бывает, но и страшного у него ничего нет. Подлечить, заняться профилактикой... Педиатр всё расскажет...

Не выдержав, Олеся отложила эти страшные листы. Спихнулась:

— Нет, вы не подумайте!.. Кирилл нам очень понравился!..

Заведующая понимающе кивнула. Расстались на том, что Олеся и Игорь ещё раз хорошенько всё обдумают и примут окончательное решение.

45

По дороге домой голова у Олеся шла кругом от эмоций и впечатлений. Конечно, она знала, что сирот помещают в дома ребёнка, затем переводят в детские дома. Но весь ужас происходящего до взрослых доходит, лишь когда они увидят своими глазами, как система калечит детей. Бесконечно одинокие маленькие человечки! Олеся так прониклась, что слёзы то и дело наворачивались на глаза, застилая реальность. Ей хотелось одного: схватить этого малыша, прижать к груди и бежать с ним куда глаза глядят, лишь бы подальше от серых стен и безликой массы крохотных людей.

Дома Олеся сказала Игорю, что малыш запал ей в душу. Тянуть было нечего — на следующий день подписала согласие.

Документы на передачу ребёнка под опеку приемной матери обещали подготовить в короткие сроки — за пять дней. Олеся места себе не находила всё это время: то переживала, что передумают и не отдадут, или срочно объявится биологическая мать... Много мыслей сумбурно вспыхивало в голове, мешая спать.

46

В назначенный день Олеся получила документы в опеке. Игорь в этот день работал, и она одна поехала за малышом. Заведующая ко-

ротко переговорила с ней и велела ждать у входа на улице.

Минут через двадцать на крыльце появилась нянечка, следом — воспитательница с мальчиком на руках. Кирилл был точно неживой. Нянечка пыталась с ним посюсюкать, а тот не реагировал. Олеся наблюдала за малышом, но никак не могла поймать на себе его взгляд. Наконец воспитательница передала ей ребёнка. Олеся попыталась прижать его к себе — Кирилл даже не пикнул от испуга, так и застыл у неё в руках столбиком. Олеся чувствовала его тяжесть, как если бы держала восковую куклу. Нянечка помогла ей удобнее подхватить Кирюшу под коленками и, взяв его ручонку, насильно положила её на шею новоиспеченной маме — слёзы навернулись Олеся на глаза.

Ещё через десять минут подъехало такси, заранее заказанное к назначенному часу. Нянечка помогла Олеся устроиться в машине, воспитательница положила на сиденье пакет с какими-то детскими вещами. Всё, дверь закрылась, автомобиль тронулся.

47

До дома доехали в тишине — Кирюша задрожанно глядел по сторонам, не проронив ни звука.

В квартире Олеся поставила малыша на ножки. И он сам сначала походил немного по большой комнате, трогая всё, до чего мог дотянуться, потом уселся на ковёр. Чтобы не мешать ему обследовать комнату, Олеся присматривала за ним, стоя в дверном проёме, потом протянула купленного для сына плюшевого медведя. Кирилл покрутил игрушку в руках, потянул за лапы, а затем схватил мишку за голову и сжал, насколько хватило силёнок, — будто пытался оторвать.

— Эй, ему же больно! Ты зачем так делаешь? — Олеся попыталась разжать детские ладошки, а Кирилл громко расплакался.

Олеся решила пока оставить его в покое, к тому же вспомнила про листок с режимом дня, который дала ей заведующая. Вытащила бумажку из заднего кармана сумочки и попутно кинула взгляд на часы: а ведь Кирюше давно пора обедать и спать.

В кухне Олеся покормила его подогретым картофельным пюре, напоила компотом и отнесла уже сонного малыша в кроватку. Но, едва оказавшись там, Кирилл вскочил, вцепился руками в прутья — сон как ветром сдуло. Он стал часто дышать, губы его задрожали — вот-вот заревёт. Олеся стала ласково уговаривать, поглаживая по спинке:

— Ну что ты! Постелька мягкая, уютная, тебе в ней будет спать сладко. Ложись на бочок... Баю-бай...

Кирилл лёг, сжался в комок, только дрожал мелко-мелко от страха перед новой обстановкой и чужим человеком. Наконец сон стал брать своё — мальчик обмяк, но еще посматривал на Олеся затуманенным взглядом. Потом он запихал в рот пальцы, отвернулся к стене и задремал.

Олеся пошла на кухню усталая, но совершенно счастливая от мысли, что у неё теперь есть сын.

48

Следующие недели пролетели незаметно в хлопотах и заботах о малыше. А дел после появления нового члена семьи было невпроворот: надо было зарегистрировать Кирюшу в квартире приёмной мамы, встать на учёт в детской поликлинике, оформить кое-какие официальные бумаги, полагающиеся опекунам выплаты, подумать и о том, что скоро ребёнку потребуется место в детском саду. К тому же на работе она оформила отпуск по уходу за малышом до трех лет.

Началась обычная жизнь, о которой Олеся так мечтала, — жизнь, в которой у неё был сын. Вживаться в роль матери было непросто. Адаптация накрыла её с головой, а Игорь отстранился — жил тут же сам по себе.

Порой на душе у Олеся становилось так мучительно, как бывало, когда она оставалась одна в прогнившей даче под осень. Тогда за окном завывал волком ветер и лили дожди. Сомнения роились в душе. Иногда думала: а чего, собственно, они вдруг решили забрать этого мальчика к себе? Ведь вдвоём с Игорем им было так хорошо. Куда делась эта воздушная радость, которая наполняла Олеся, когда они с

Игорем начали жить вместе, и почему так тяжело на душе?

Больше она себе не принадлежала, каждую минуту думала: «А как там сын?» У неё появилась вроде как второй слой сознания. На одном слое были привычные дела: работа, дом, муж, магазины, а на другом — Кирилл.

49

В первую неделю сын ел не переставая, малыш требовал добавки — не отказывался ни от чего. Олеся только успевала что-то сунуть ему в рот. Через неделю ребёнка как подменили: он отказывался от привычных блюд, налегал разве что на фрукты. Олеся с удовлетворением замечала, что теперь это не тот худенький синюшный малыш, которого она забирала в доме ребёнка, — появились щечки, наметился кое-какой жирок на животике.

Малыш жил обособленно: с одной стороны, он требовал много заботы, внимания, а ласку, объятия Олеся не принимал. Любые попытки взять сына на руки или укачать перед сном заканчивались истерикой: Кирилл выгибался, сучил ногами, пинался, стучал кулачками или раскачивался из стороны в сторону. Не зная, что делать в такой ситуации, Олеся отступала, она опускалась на пол рядом с детской кроваткой и сидела тихо, пока сын не уснёт. В школе приёмных родителей рассказывали, почему так происходит: для ребёнка такое поведение — способ справиться со своими эмоциями, страхом. И Олеся грела в душе надежду: «Оттаем, отогреем...»

50

День за днём, месяц за месяцем Олеся приучала себя к роли мамы. Игорь так и жил в сторонке, будто не с ней, к ребёнку почти не подходил.

Кириллу шёл третий год, он уже немного говорил, сам ел, пил из чашки, а с горшком пока не дружил. Каждый вечер, стоило уложить его в постель, он писался. Олеся часто подсаживала его на горшок. Порой он сидел на нем и по полчаса, но малыш не понимал, зачем это нужно, стоило надеть штаны — влажное пятно тут же

расплывалось по ткани. А мать не понимала, что с ребёнком. Может, болезнь? Или какая-то патология? Но главврач дома ребёнка об этом ничего не говорила, а участковый педиатр, которому пожаловалась Олеся, тоже утверждала, что Кирюша здоров — просто всему своё время.

Играл мальчик один. В песочнице он мог подолгу пересыпать песок, зачерпывая его ведёрком, и заворуженно смотрел, как сыплется поток. Когда его приводили в сквер, закрывал стаканчиком струйки фонтана, изучая сопротивление воды. С игрушками играть Кирилл не умел: либо крушил их, рвал, ломал, либо подбрасывал вверх, наблюдая, как она падает. Олеся пыталась вмешаться, показать ему, как нужно играть, но стоило сделать сыну замечание — он начинал топтать ногами, падал на пол, бился головой, будто в эпилептическом припадке.

Просыпался он рано — часов в пять утра, вставал в кроватке и, вцепившись в прутья, хохотал на весь дом, а порой и плевался. Олеся так мечтала услышать в своей квартире детский смех, но радости он ей не приносил. Что-то шло не так, как ей мечталось. А что — этого она и сама не знала, материнского опыта у неё не было.

51

Через полгода Кирюше дали место в детском саду. Олеся стало легче — появилось свободное время и возможность выйти на работу в редакцию газеты, где она по-прежнему числилась.

Шло время. Олеся стала замечать, что сын возвращается из сада с синяками — все ноги у него были в синюшных пятнах. Откуда? Почему? Олеся недоумевала. Она переговорила с воспитательницей, та сказала, что Кирюша иногда бьет себя по ногам, и посоветовала показать его неврологу.

Олеся так и поступила. Врач успокоил: объяснил, что скорее всего так ребёнок восполняет дефицит тактильного контакта, это свойственно детям из детских домов, а мальчик еще не привык жить в семье.

В школе приёмных родителей предупреждали, что адаптация ребенка может длиться и год,

и больше. Олеся вновь пыталась разрушить эту невидимую границу между собой и сыном — при каждом удобном случае старалась обнять, поцеловать, но сын упорно старался увернуться от неё, будто юркий зверёк. Он и был для неё диким зверьком, за которым надо постоянно ухаживать, но в руки он не идёт. И как его понять, почувствовать — этого Олеся не знала.

К тому же воспитатели в саду жаловались, что Кирюша отстаёт в развитии от сверстников: путает цвета, не может собрать пирамидку, не знает названия частей тела и прочего, с чем ребята его возраста справлялись легко. Олеся волновалась за сына. За что хвататься?

Она шла в детский магазин, покупала то пластилин, то фломастеры, то карандаши или развивающие игрушки. Потом пыталась заниматься с сыном, захватить его внимание, но Кирилл хватало ненадолго. Первым делом он всё пихал в рот, наелся даже пластилина, остальным распорядился по своему разумению: грыз карандаши, чиркал фломастерами где угодно, только не в альбоме. Подарки быстро превращались в мусор, а толку почти никакого.

52

Олеся нашла для Кирилла специальных педагогов, начались дополнительные занятия в детском центре, затем подключили и массаж. Порой появлялись кое-какие результаты, однако радоваться им у Олеси не получалось. Она все чаще признавалась себе, что не может принять Кирюшу как своего ребенка.

День за днём она купала малыша и задыхалась от его запаха — чужого. Олеся помнила запах младенца — своего двоюродного брата, тот пах молоком, весенней травой, едва проклюнувшейся по весне. А от Кирилла Олеся ощущала только запах немытого тела, и он не исчезал даже после мытья. «Нет, это не мой ребенок, у меня нет к нему любви...» — с грустью размышляла она.

Олеся не раз слышала, как молодые мамочки признавались друг другу, что не любят собственных детей, но вынуждены изображать неземные чувства, потому что иначе их не поймут: в нашем мире есть чёткие правила, как надо относиться к потомству, шаг влево или впра-

во — расстрел. И Олеся тоже осуждала этих мамочек. А вот у неё теперь сын — свой, но чужой.

Как-то она подумала: «Ну ладно, бог с ней, с любовью. Может быть, тогда я смогу стать хотя бы хорошим воспитателем для него?» Олеся бодрила себя, но порой на неё накатывала безысходность, и она закрывалась в ванной и рыдала, рыдала... А потом, умыв лицо, выходила и проводила день с чужим и незнакомым ей, но ни в чём не повинным крохотным человеком.

Только с приходом мужа с работы ей становилось чуть легче. Но в доме уже поселилась тоска. От отчаяния Олеся даже начала молиться — истово на коленях, хоть раньше и считала себя неверующей, просила у Бога любви к этому мальчику. Она хотела полюбить его как родная мать. Но любовь не приходила...

От таких мыслей она чувствовала себя опустошенной, подавленной, как будто кто-то близкий умер. Или это она, прежняя Олеся, умерла? Ей казалось, её загнали в угол, из которого надо выйти, а выхода и нет. Она мучила себя вопросами: «Почему так получилось? Может быть, ребёнок подсознательно чувствует, что его никак не полюбят и с этим растёт?» Ответа найти не могла.

Усугубил всё Игорь: как-то за ужином между разговорами предложил вернуть ребенка в детский дом. Но как? Это ж не кукла, наигрались — сдали в магазин. Всё в Олесе кипело, допустить такой мысли она не могла, но и душа рвалась на части от того, что не умела принять маленького человека. И в то же время она понимала: Игорь уловил то, о чём она боялась и подумать.

Некогда благополучная семейная жизнь разломилась на два периода — раскололась, как чашка.

53

От переживаний опять Олесю стала мучить бессонница. Тревоги клубком обматывали её, не давая спокойно дышать. Чувствовала она себя неважно — появились боли в области желудка. Приступы начинались в самое неподходящее время — когда Олеся была не дома, порой ей казалось, внутри у нее поселился крысёнок, он выгрызает ее по кусочку.

Однажды, глядя на себя в зеркало, она как будто увидела себя чужими глазами и... ужаснулась. На неё смотрела исхудавшая бледная женщина. Глубокая поперечная морщина перерезала её лоб, исчерченный крупными продольными бороздами. Тусклые секущиеся волосы лохматились как пакля. Олеся попыталась их пригладить и нащупала шероховатые уплотнения на коже головы — какие-то болячки, покрытые корочкой. Теперь она вконец испугалась — надо было заняться своим здоровьем.

На следующей неделе, пока сын был в саду, Олеся отпросилась в редакции и сходила на приём к участковому терапевту. Та после короткого осмотра выписала направление на анализы. Когда результаты были готовы, врач её успокоила: пока ничего страшного нет, а вот нервная система расшатана — надо подлечить: витамины, обязательно магний, успокоительное, не помешает консультация психотерапевта.

Олеся слушала доктора и едва заметно кивала: казалось, в её жизни появилась какая-то ясность — хотя бы понятно, что делать с собой.

С того дня некое подобие покоя поселилось в ней: переполнявший Олеся страх за ребёнка, за себя не пропал, но он как будто сжался в маленький комочек и запрятался где-то глубоко-глубоко в теле.

Она по-прежнему изо дня в день занималась Кирюшей, не забывала и о своём здоровье — выполняла все назначения врачей. Казалось, теперь у неё появилась надежда, что всё наладится. Или это так сработали лекарства?.. На этот вопрос ответа Олеся не знала.

54

Со временем Олесины усилия принесли плоды. Теперь Кирилл сам шёл к ней в объятия. Тот момент, когда он впервые позволил обнять себя, она запомнила на всю жизнь. Правда, сначала, почувствовав кольцо рук вокруг себя, он попытался вывернуться и соскочить с материных коленей, но Олеся опередила его и сильнее прижала сына к себе, — впервые он подчинился. Едва тело малыша обмякло, она обхватила его руками, как коконом, и Кирюша отчего-то горько заплакал. Олеся качала его, баюкала, вытирая детские слёзы прохлад-

ной ладонью. Кирюша смотрел в сторону, иногда крутил головой, искоса бросая на Олеся короткие взгляды. А Олеся всё качала его и качала, и глаза у Кирюши начинали слипаться, но он смешно встряхивался, точно щенок, и взгляд опять ускользал куда-то в противоположный угол комнаты. А Олеся всё качала и качала. И вдруг он повернулся к Олесе и стал пристально смотреть на неё. И такая в его глазах была взрослая тоска, что у Олеси защемило сердце: «Такой маленький, с первого дня совсем один... Столько лет держался и виду не подавал, как ему одиноко». Весь вечер она ходила по дому с мокрыми глазами и не слышала вопросов мужа, обращённых к ней. Олесе казалось, теперь все должно пойти иначе...

55

Как-то к Олесе заглянула подруга. Будто бы Кшутя спросила у Кирилла:

— Кирюша, как ты мне нравишься! Пойдем ко мне жить?

— Пойдём, — мальчик тут же протянул ей ладошку.

Олеся напряглась от такой реакции сына: значит, ему всё равно, кто с ним рядом.

«Сегодня одна тётя — мама, завтра — другая. Ему всё равно, с кем пойти, куда и зачем...» — пронеслось в голове у неё. Подумала с горечью о том, что её сын подрастёт и, возможно, перешагнёт через неё — забудет, словно и не было. Этот ребёнок слишком рано научился выживать. Любого, кто приласкает-пожалует, даст конфетку, «люблю», все остальные — «плохие» или безразличны ему.

Олеся читала, что у отказников реактивное расстройство привязанности, потому что в первые месяцы их жизни отсутствовал постоянный контакт с матерью: не было мягкой теплой груди, к которой можно прильнуть и наесться, а затем уснуть с материнским соском во рту, ласковые руки не гладили его, некому было умиляться беззубой улыбке, забавным младенческим гримасам. Порой Олесе казалось, что приёмный сынок — как древняя океанская окаменелость, которой сто миллионов лет. Как напитать этот камень любовью?..

Когда Кирюше исполнилось четыре года, Олеся обнаружила, что мальчик начал таскать из шкафчиков еду: сухарики, печенье, конфетки. Всё бы ничего, если б это случалось только дома, но в гостях он вёл себя точно так же. Олеся было стыдно за сына, она уговаривала его так не делать, порой даже ругала, но Кирилл её слов не воспринимал: судорожно запикивал в рот уворованное и, давясь в попытке всё прожевать, ложился на пол.

Расстройство пищевого поведения спровоцировало неконтролируемый аппетит. Кирюша, словно пылесос, втягивал в себя всё съестное в доме.

Как-то, поджидая с работы мужа, Олеся усадила сына ужинать, а кастрюлю с макаронами оставила на столе. Пока она возилась с духовкой — снимала пирог, Кирюша съел свою порцию и всё содержимое кастрюли. Началась рвота, казалось, его выворачивает наизнанку от переедания. Испуганная Олеся не знала, что полагается делать в таких ситуациях. Она отнесла сына в кроватку и села рядом, держа наготове таз, стакан воды и влажную марлю. К счастью, к ночи рвота прекратилась, малыш уснул.

Если кто-то в присутствии мальчика ел, то он подходил к жующему и смотрел на него, как пёс, выпрашивающий подачку. Только собака смотрит просительно и заискивающе, а Кирилл исподлобья буравил взглядом так, что кусок встанет поперёк горла.

Походы в магазин или в гости, да в любое людное место, превращались в кошмар. Кирюша бесцеремонно хватал любую вещь, которая его заинтересует, на прогулках тянул в рот окурки, подобранные с земли жвачки, конфетные фантики, не гнушался залезть за ними в урну. Что-то забрать у него можно было только со скандалом. Он заливался истошным ором, но без слёз, так и заваливался на пол, закрывая своим телом взятую вещь.

Олеся не знала, почему у ребенка отсутствует понимание, что вещи могут быть личными, что мусор нельзя тянуть в рот. Да что тут говорить — она вообще не понимала сына!

И в саду Кирилла не понимали. Воспитатели постоянно жаловались, что Кирюша проявляет агрессию к другим детям — не умеет играть, задирает ребят, пытается ударить, причинить боль, может вцепиться даже в девочку или испортить чужую одежду. Олеся не хотела в это верить, пока однажды не увидела своими глазами: сын шёл по коридору в садике мимо собирающихся на прогулку детей — кого успел уцепить, кого — толкнуть, в кого — плюнуть.

Олеся расстроилась, думала: «Неужели я рашу такого злодея и пакостника?» Когда-то она считала, что родители для ребенка сродни луку: куда стрелу натянешь, туда она и полетит. Но Кирилл как будто не слышал родителей.

Шоком для Олеси стали новые жалобы воспитателей, когда сын перешёл в группу постарше: Кирюша начал переодеваться в одежду девочек, когда те укладывались для дневного сна, и расхаживал в ней по спальне, а мог прилюдно спустить штаны, демонстрируя всем ребятам своё «хозяйство».

Тогда, леденя от нехорошего предчувствия, Олеся разволновалась: а не было ли в его роду шизофреников? Она даже встретила с заведующей домом ребёнка, в котором взяла малыша. Личное дело Кирюши отыскивали в архиве. Упоминаний о психических заболеваниях у родственников там не было. Да и что роженица посчитала нужным сообщить врачам? Знала ли сама, хоть от кого рожала, не то что о диагнозах по линии папаши?

Олеся подумывала: надо бы показать сына врачам, чтобы избавиться от мучительных сомнений.

Пока планировала визит к специалистам, добывала нужные номерки, прошло несколько недель. В это время Олеся позвонила из опеки. Когда сотрудница представилась, приемная мама заволновалась. Олеся не ждала этого звонка, проверку она не ждала. Почему тогда звонят? Может быть, из дома ребёнка им поступил сигнал?..

Сотрудница сказала, что это плановый обзвон семей, в которых живут приемные дети. Женщина разговаривала доброжелательно: поинтересовалась, как дела у Кирилла, спросила, есть ли на него жалобы.

Олеся немного расслабилась. Понадеявшись, что хоть что-то подскажут, она разоткровенничалась с сотрудницей опеки, рассказала о поведении сына.

Ответ был как выстрел в голову:

— ...А вы читали, под чем подписывались?

— В смысле? — опешила Олеся.

— Ну, вы же читали медкарту, личное дело ребёнка. Задержка психического развития, гиперактивность, дефицит внимания — всё это указано.

Сотрудница опеки рассказала, что во время вынашивания биологическая мать имела зависимости — наркотическую, алкогольную и никотиновую.

Олеся впала в ступор. На другом конце это уловили.

— Ну как же! — завозмущалась телефонная трубка. — Вы же читали документы, подписывали, что ознакомлены!..

Олесе ничего не осталось, как согласиться. Но что она сумела разобрать в этих документах? Понимала ли, чем чреваты для ребёнка зависимости матери? Как воспитывать такого ребёнка? Как корректировать его особенности? Об этом она не знала. Ей просто хотелось стать мамой. А Кирилл — ведь он был почти здоров, как говорил врач.

59

Однажды Олеся попросила мужа свозить Кирюшу на занятия к логопеду в детский центр.

Домой вечером Игорь вернулся злой, мрачный. Олеся чувствовала, что он вскипает, но сразу спросить, в чем дело, не решилась — пусть немного отойдёт.

Накормив Кирилла, она искупала его и уложила в кровать.

Наконец вошла в кухню, где Игорь сидел с кружкой чая.

— Что случилось? — мягко спросила Олеся.

— Когда я ехал с ним в машине, поймал себя

на мысли, что хочу завернуть в столб и покончить со всем этим... — признался Игорь, а потом спросил прямо: — А ты ведь взяла этого мальчика, потому что убила того... на дороге?..

Олеся ничего не ответила. Она выскочила из кухни: страшно было признаться, что Игорь прав.

60

Осенней непогодой в семейную атмосферу, и без того беспокойную, пришли бури, тайфуны, грозящие разрушением. С работы Игорь приходил под ночь. Ужинал, ложился спать, едва перемолвившись словом с Олесей. Они не предъявляли друг другу претензий, откровений не хотелось.

Олеся уже смирилась с тем, что из их жизни ушла музыка любви. Остался один монотонный перестук, ему вторил день за днём осенний дождь. «Ну что ж, Игорь закрылся от нас в своей раковине, это его право, — думала Олеся и утешала себя. — А я так не могу, ведь у меня сын».

Порой сын действительно был у неё, а не просто в поле зрения. Кирюша мог быть и ласковым. В такие моменты он целовал и обнимал Олесю. А она замечала, что мальчик ревнует её ко всем: к мужу, к подругам, к соседям — мама должна быть только его. Он ревновал мать даже к цветам, за которыми Олеся ухаживала. Так однажды и сказал с обидой в голосе: «Ты их любишь больше, чем меня!» — и вырвал с корнем орхидею.

Эта ревность тешила Олесю: ведь если ревнует, значит, любит. Но любил мать он как-то по-своему, как умел, а как по-другому — этого пятилетний Кирилл не знал.

61

Однажды в октябре Олесю не на шутку испугала его игра. Он ловил на даче больших полусонных жуков, чёрных, зелёных, коричневых, и вставлял им в брюшко соломинку или черенок листа. Жуки пытались уползти с неподъёмным для них лишним крылом. Ребёнок, наблюдая за этим, заходился от счастливого смеха. А потом утащил из летней кух-

ни спички и поджѣг сухой лист, теперь жук пытался взлететь с горящим факелом на хвосте. Когда Олеся увидела развлекающегося сына, она ужаснулась, ей показалось, что это её саму насадили на горящий кол.

Целый вечер втолковывала Кириллу, что так делать нельзя, что жукам тоже больно:

— Вот представь, что бы ты чувствовал, если б тебя вот так проткнули? — спросила она сына.

Кирилл равнодушно посмотрел на неё и пожал плечами:

— А ты сегодня тоже убивала мух...

Что ответить маленькому мучителю — этого Олеся не придумала.

62

Следующим летом на даче Кирюша пристрастился отлавливать лягушек. Это не очень удивило Олеся: она помнила себя в детстве, как они с соседским мальчиком тоже ловили лягушек и ящериц, разглядывали их. Лягушек носили за задние лапки и пугали ими взрослых, внезапно вытащив из-за спины.

Олеся испытала шок, обнаружив, что сын сидит на крыльце и наблюдает, как скачет безголовая лягушка, а голова валялась рядом.

— Мама! Мама! Смотри, как она без головы прыгает! Я оторвал ей голову, а она всё равно скачет! — радовался Кирилл.

Лягушка без головы допрыгала до края крыльца и сиганула в заросли крапивы.

Справившись с эмоциями, Олеся воскликнула:

— Кирюша, ты зачем оторвал ей голову?! Ей же больно, она теперь погибнет! Понимаешь?!

Сын насупленно молчал, глядя на неё исподлобья, — и Олеся опять стало страшно: «В кого-то он вырастет?»

Через два дня она обнаружила сына на том же крыльце, он держал в руках безголового воробья.

У Олеся всё поплыло перед глазами, ухватившись за перила, осела на крыльце, чувствуя, как шумит в ушах.

Улучив удобный момент, она рассказала об этом Игорю: и о жуках, и о лягушке, и о воробье. Игорь заключил: возможно, мальчик болен, с этим не шутят, и его немедленно надо

отдавать обратно. Олеся разрыдалась, уткнувшись лицом ему в грудь. Для неё это было катастрофой — концом всего. Казалось, она слышит шум приближающегося поезда, а они вдвоём на рельсах — и с места не сдвинуться, не уберечься.

Проплакавшись, задышала ровнее.

— Может быть, в нём просто проснулся исследователь? — наконец с надеждой, в которую и сама не очень верила, вымолвила Олеся.

О следующем тревожном звончке рассказала Игорю соседка. Кирилл связал лапы её кошки верёвкой, примотав к ним ещё и хвост, кошка извивалась и, видимо, пыталась перегрызть верёвку — и тогда он надел ей полиэтиленовый пакет на голову. Хозяйка, услышав пронзительный кошачий крик, пошла к Кириллу, а кошка сумела прогрызть пакет и вырвалась.

Услышав об этом эпизоде, Игорь взбесился. Он выскочил во двор, схватил Кирилла за руку и притащил в дом. Там он связал ему запястья поясом от старого халата.

— Вот так будешь сидеть весь день! Может, тогда поймёшь, каково было кошке. Сейчас ещё и пакет тебе на голову надену, чтобы хоть что-то понял. Бесчувственное чудовище!

Олеся, копавшаяся на огороде, услышав крики, прибежала в дом. Она еле оттащила мужа от связанного Кирилла. Пакет на голову он ему не надел, но руки развязать не позволил, так и запер мальчика в сарае.

— Посиди тут. Подумай, каково кошке было!

В тот день Олеся с Игорем поссорились очень серьёзно. Муж продолжал настаивать на том, что у ребёнка дурная наследственность и дальше будет только хуже.

— Такому ребёнку место даже не в детдоме, а в психушке! Так будет лучше и тебе, и Кириллу!!! — не сдерживаясь, кричал Игорь. — Неужели не видишь, ты не справляешься! Не понимаю, зачем ты взваливаешь на себя груз, который тебя же придавит насмерть?

Олеся показало, что её сердце поднялось высоко-высоко, к самому горлу. Во рту пересохло, и было солоно от не пролившихся ещё слёз.

Спорить с мужем она не стала, к тому же в глубине души понимала, что он прав, но это осознание собственного бессилия убивало

Олесю, беспощадно давило, лишая опоры в жизни.

Выждав пару часов, упростила Игоря выпустить Кирилла. Муж не стал настаивать и сходил за мальчиком в сарай. Как ни странно, сын был совершенно спокоен и тут же, войдя в дом, принялся собирать непонятное ей сооружение из конструктора, хотя раньше особенно этим не увлекался.

63

После той ссоры Игорь стал нервным, раздражительным, любая мелочь могла спровоцировать у него выплеск гнева: тронь — ударит током. Ещё пару раз он заводил разговор о том, что Кирилла надо вернуть, иначе они разрушат собственную жизнь. Говорил, что ему хотелось бы лёгкой, тёплой семейной жизни, чтобы как по щелчку всё вернулось к тому, что было до появления в семье мальчика.

Ссорились теперь не бурно, как бывает у людей, любящих друг друга, когда эмоции низвергаются с грохотом водопада, а холодно, затаённо, словно вступали в лужу, покрытую первым льдом, и попадали в мутную грязную воду — тут же отскакивали. Семейная жизнь обвалилась, как обваливается песчаный берег, подмытый дождевыми потоками. Берег оставался берегом, но всё было уже другое, и куст шиповника, что цвёл розовыми цветами, теперь валялся засохший почти у самой кромки воды.

К Кириллу Игорь потерял всякий интерес. И раньше-то ребёнком занималась в основном Олеся, но теперь муж совсем отстранился и не помогал ни в чём, но пока ещё терпел выходки приёмного сына.

64

В один из субботних вечеров Игорь поставил Олесе ультиматум: «Или я, или он». На это была веская причина...

Конец недели выдался у Кирилла «ударным»: он распустил наполовину свитер Игоря и сломал его ноутбук — залез внутрь корпуса, вытащил материнскую плату, какие-то микросхемы, зачем-то сплющил часть деталей старинной подставкой из слоновой кости для всяких

канцелярских мелочей. Игорь сам застал Кирию сидящим на полу и кромсающим ножницами проводки ноутбука, побагровел от гнева, отшлепал его, а тот залился каким-то лающим плачем.

Остатки ноутбука Игорь принёс Олесе в кухню и швырнул на стол.

— Вот, полюбуюсь... что сделал этот маленький пакостник. Я ухожу. Всё, больше не могу, — глухо выговаривал Игорь. — Ты никогда не согласишься его вернуть. Но он разрушил всё хорошее, что у нас было... Дальше будет ещё хуже! Очнись, протри глаза! Никто не взваливал на тебя этот крест, кроме тебя самой! Приёмный ребёнок — это твоя попытка уйти от вины, которой за тобой нет!

На последней его фразе Олеся вздрогнула, закрыв лицо ладонями, выскочила из кухни в ванную. Каждое слово больно ранило её, но в тоне мужа она безошибочно уловила безысходность.

65

Когда Олеся брала Кирилла, то решила оформить опеку. Так было выгоднее: опекуны получают денежное пособие, а по достижении совершеннолетия государство обеспечит ребенка жильём. Так что, по сути, Игорь был свободен как ветер в поле — никаких алиментов, обязательств. Сына Олеся оформляла на себя.

Под одной крышей они протянули еще некоторое время.

У Олеси даже появилась слабенькая надежда, что всё уляжется — Игорь погорячился. Но за две недели до его ухода они с Олесей опять крупно разругались. Игорь настаивал на возврате ребёнка, говорил, что с Кириллом у них нет будущего, которое она себе нарисовала, всё это воздушный замок, но воздушными замками не заполняют пустоту в душе. Туман рано или поздно рассеется, мираж исчезнет — и останется растерянность, бессилие.

Олеся плакала, согласиться на такое решение не могла, хотя в глубине души понимала: Игорь во многом прав.

В тот вечер он ударил Олесю по больному: сказал ей, что он-то успеет ещё завести нормальных детей.

— Какие мои годы? — усмехнулся Игорь. — Так что выбирай или пеняй на себя...

Но Олеся была будто листок, упавший с осеннего дерева; он спрятался под камень в горном ручье: вода бежит стремительно, непрерывно, а листок лежит себе смирно, придавленный тяжёлым камушком. Так и Олеся не в силах была что-то сдвинуть в своей жизни.

66

Игорь нарочито медленно собирал свои вещи ещё целых две недели, словно давал ей время одуматься, но ночевать уходил в свою квартиру. И опять порой Олеся казалась, что он её только пугает, ну, может, в отпуск хочет удрать...

На душе у неё было гадко и муторно, до последнего не хотелось верить, что это конец. Больше они не ругались, но напряжение было разлито в воздухе. В этой мнимой спокойной атмосфере ощущалась какая-то обречённость: уже всё решено и даже ругаться стало неинтересно. Олеся плохо представляла себе, как она будет справляться со всеми делами одна. Но если любимый человек так спокойно может её бросить, то, значит, ей с ним не по пути — так она решила для себя. Не сейчас бросит, так в другой раз, при таком отношении разрыв и предательство неминуемы. Это как трещина в земле: сначала расходится от слишком сухой погоды, потом хотя и впитывает в себя воду от дождей, но уже не срастается, а только становится всё шире и шире.

— У тебя кто-то есть? — однажды нерешительно спросила Олеся, боясь услышать утвердительный ответ.

— Пока нет, но найду... — с деланой беззаботностью ответил Игорь. — Я тебе не изменяю. Вот буду свободен...

67

И всё равно уход Игоря был для Олеси неожиданным. Когда она решила принять в семью Кирилла, гражданский муж энтузиазмом не горел, но уступил. И ей казалось, что пройдёт время — он оттаёт, примет ребёнка. Как же можно отказаться от такого симпатич-

ного малыша? Но не получилось. Другого человека не переделаешь. Игорь не хотел становиться шестерёнкой в семейной жизни, которую заклинило от удара при падении, а смазка механизма затвердела от холода.

Расставание с Игорем совсем выбило Олеся из колеи, за годы совместной жизни она привязалась к нему и считала его частичкой себя. Семья, муж, дети, внуки, старость в окружении любящих и заботливых домочадцев — вот о чём она мечтала с детских лет, когда сумела осознать себя как маленькую женщину. Увы, мечты рушились одна за другой.

«Ну и чёрт с ним! Предатель!» — подбадривая себя, думала она, но от этих мыслей ей не становилось легче. В глубине души Олеся прекрасно понимала Игоря: он не смог полюбить Кирюшу, да и сама она не смогла. Оттого злилась больше не на мужа, сколько на себя. Олеся с трудом сдерживала раздражение и против Кирилла, но вернуть его в детдом не позволяли ей воспитание и страх осуждения. Надо признать, все же не так страшило ее чужое мнение. Олеся с детства привыкла быть «хорошей девочкой», которая всегда поступает «правильно», и сейчас она видела для себя единственно верное решение — нести этот крест, который взвалила на себя.

У Кирилла тоже случались срывы: чувствовал, что со взрослыми творится что-то неладное. Порой мальчик просыпался ночью — и в рёв. Блажил так, что соседи начинали в стену стучать. Когда сын стал постарше, к ночным истерикам добавились крики. Он часто повторял: «Отпусти меня, отпусти меня!!!» Но куда? В детдом? Почему? Этого Олеся не понимала. Как она пугалась этих ночных истерик! Ну неужели в детдоме ему было бы лучше, чем с ней?

68

Для Олеси это было очень странно, но Кирилл помнил биологическую мать. По крайней мере, так утверждал. Иногда он говорил: «Когда я жил с другой мамой — мамой Таней...» Как такое возможно? Ведь в доме ребёнка сказали, что биологическая мать оставила его ещё в роддоме. Как он мог с ней жить? А может, помнил он на самом деле нянечек или воспитателей?

«Будто «мама» — это должность такая...» — бессильно злилась Олеся. А ведь она и стала мамой по должности.

Однажды, когда Кирюше было лет шесть, они проходили мимо старого роддома — и Олеся сказала ему, что она здесь родилась.

— А я? Мама, я тоже здесь родился? — полюбопытствовал сын.

Олеся помешкала и в ответ солгала:

— Нет, ты родился в другом городе.

Потом Кирилл опять стал болтать про «мamu Таню», и Олеся не выдержала, решила хоть немного рассказать ему о прошлом:

— Кирюша, — мягко начала она, — понимаешь, тебя родила другая женщина, но она тебя бросила, потому что была больна очень страшной болезнью. Пойми, тебя нельзя было с ней оставлять, она была глупая и слабая. А я хоть и не очень сильная, но этой болезнью не заболею никогда. Даже кошка не бросает своих котят!

— А что за болезнь? — выпытывал Кирилл, заглядывая Олеся в глаза.

Она объясняла, как умела:

— Болезнь эта ужасная, когда своих детишек меняют на водку. Она пила, и ей было безразлично, что с тобой будет.

— Мама, а что такое водка? — не отставал мальчик.

Олеся чуть напряглась, задумалась. Наконец ответила:

— Водка из спирта делается, это такое химическое соединение... Ну, горькая, как лекарство, жидкость. Только от водки человек пьяный делается и не может отвечать за свои поступки.

— А это всегда так: одна мама рождает, а другая воспитывает? — спросил Кирилл.

— Нет. Что ты! — Олеся даже испугалась такого вопроса. — Так редко бывает. Тебе просто не повезло.

Как оказалось, тот разговор крепко запал в душу Кириллу. Через неделю он сам спросил у Олеся:

— Мама, это правда, что ты сказала? — Она вопросительно уставилась на мальчика. — Ну что мне не повезло, потому что я из животика чужой тётки?

Эти вопросы порой ставили Олеся в тупик,

но она решила для себя, что скрывать такое нет смысла: всё равно откроется.

— Правда, сыночек, — сказала она. — Есть мамы, которые рожают из животика, а есть такие, как я. Я тебя родила из сердца. И корнями ты остался там, словно дерево в земле... Корни переплелись с артериями и венами, вырвать их уже невозможно...

Олеся так боялась, что кто-нибудь чужой расскажет Кириллу правду, и вот сама же эту тайну выдала.

Смерть Кощея — на конце иглы. Игла — в хрустальном яйце. Яйцо — в утке. Утка — в зайце. Заяц сидит в сундуке. Сундук — на дубу. Дуб — на острове Буяне. Остров затопило нахлынувшей волной, дерево ушло под воду, сундук поплыл и открылся, зайца укачало и вырвало, утка снесла яйцо, которое разбилось вместе с волной о скалу на мелкие брызги... А иголка блеснула — и пропала среди серых камней...

Так и эта иголка из прошлого накрепко засела в памяти сына — не вытащишь.

Было и положительное: когда Олеся призналась сыну, ей стало легче. Не надо больше бояться, что словоохотливые соседи откроют мальчику глаза.

Глаза открыты, но ночь на дворе, и в комнате с трудом можно разглядеть очертания предметов. Не заплутает ли?..

69

После этого вечером он нарисовал свою настоящую маму: на картинке она вышла с крокодильими зубами и с метлой, как Баба-яга.

— Что ж ты её таким страшилищем изобразил? — увидев картинку, спросила Олеся. — Погляди-ка сам! Она как будто болеет, на работу её не берут, значит, денег у неё нет, — добавила, не зная, что еще сказать: — Ты бы над ней хоть солнышко намалевал...

— Не хочу, — обиженно ответил Кирилл и нарисовал большую рыжую молнию, пронзающую женщину насквозь, точно копьё.

После этого он несколько дней смотрел на рисунок, гладил его, приговаривая: «Бедная мама...»

«А я тогда кто же?» — с ревностью думала Олеся, украдкой наблюдая за мальчиком.

Кирюша тогда недели две ходил тише воды, ниже травы. Слушался во всём, ластился к Олеся, обнимал её колени, клал на них голову. А потом нарисовал на альбомном листе женщину и... ножницами отрезал ей ноги.

Олеся насторожилась. Воскликнула:

— Кирюшенька, ты зачем ей ноги отрубил? Тебе не жалко? Как она ходить будет? Кто ей еду принесёт? Она же умрёт без еды. Разве так можно? И больно это.

— Жалко, — твёрдо ответил мальчик. — А это чтобы она ко мне не пришла никогда и не забрала меня от тебя!

70

Олеся так и жила с сыном. Игорь в их жизни больше не появлялся. А самой ей было не до мужчин: Кирюшу надо было готовить к школе.

В школу они пошли в восемь лет, в самую обычную, хотя ей настоятельно советовали коррекционную, так как оставались логопедические проблемы. Олеся настояла — им разрешили попробовать силы в обычной школе.

И всё же окончить первый класс в обычной школе они не смогли. Кирюша был неусидчив, психовал, когда надо было заниматься. Директор посоветовал не мучить ребёнка и перевести в коррекционную школу, но Олеся вновь не согласилась. В конце концов на педагогическом совете решили оставить мальчика в первом классе на второй год.

Худо-бедно промучились ещё год, а в мае Олеся отнесла документы сына в коррекционную школу. Ей было тяжело смириться, что Кирилл не справляется, но выслушивать бесконечные жалобы от учителя и завуча уже сил не было никаких.

А жалобы шли шквалом, касались они не только учёбы. Кирилл таскал чужие вещи без зазрения совести: вроде мелочи — ручки, линейки, карандаши, — но мириться с этим не желали ни дети, ни родители. Да и кому такое понравится? Олеся терпеливо объясняла сыну разницу между своими вещами и чужими, он слушал, иногда даже кивал. Но на другой день опять приносил из школы вещь, которую Олеся не покупала.

71

В третьем классе Кирилл стал сбегать с уроков, в учебные часы болтался по улице. Однажды удрал, поругавшись с соседом по парте, и спрятался в подвале, чем переполошил учительницу: вещи есть, а ребёнка нет. Олеся сорвалась с работы, примчалась в школу, думая, что сердце выскочит у неё из груди, они вместе с учительницей, пожилой доброй женщиной, пахнувшей валерьянкой, искали его по пустым классам и туалетам. Так бы и не нашли, но учителю труда зачем-то понадобилось спуститься в подвал. Он-то и обнаружил спящего на ступеньках Кирилла, прислонившегося к тюку со стекловатой.

Вообще, учёба в коррекционной школе шла тяжело. Чтобы заставить сына сделать уроки, приходилось с ним садиться и выполнять домашнее задание вместе. Олеся сначала терпеливо объясняла, сдерживала себя, потом злилась на его бестолковость. Большого будущего для него она не видела. Ну, в лучшем случае станет маляром или будет стоять на конвейере...

Олеся решила переговорить о сыне с педагогами. От той же пожилой учительницы в школе узнала, что сын жаловался, якобы мама его бьёт, привязывает к батарее, чтобы не уходил из дома и делал уроки, а если он её плохо слушается, то не даёт ему еды. Олеся чувствовала себя преданной — подло, зло. Она никогда не позволила бы себе и шлепок дать Кириллу, а он наговаривает на неё. Разочарование окатило её, как холодный душ.

72

Временами из дома пропадали вещи, деньги. Когда пропадали мелкие суммы, Олеся не обращала внимания: мелочь есть мелочь. А потом вскрылась пропажа внушительной суммы. Тогда Олеся крупно поссорилась с сыном, даже не купила ему обещанный новый телефон и джинсы, лишила привычных сладостей. Но это не помогло, прошло немного времени — деньги вновь стали пропадать. Олеся с тревогой думала о том, что её ждёт, когда сын вырастет, а она станет старой и немощной.

В одно из воскресений, собираясь готовить обед, Олеся обнаружила, что из кухни пропал большой нож для мяса. Перерыв весь ящик, заглянув под стол, буфет и мойку, решила, что по рассеянности выкинула его вместе с очистками.

Через неделю Олеся случайно нашла свою потерю в портфеле Кирилла.

Она подозвала сына и спросила:

— Зачем тебе нож?

— У нас все теперь ножи носят, — оправдывался Кирилл, притворно улыбаясь.

— А почему ты не спросил у меня? Нож — это не игрушка! — возмутилась Олеся.

Мысль о том, что могло произойти в школе, долго не давала покоя Олеся.

73

Олеся мечтала вырастить из приемного сына хорошего человека, который станет ей опорой на старости лет. Теперь туман на глазах рассеивался: Олеся как будто прозревала — всё шло не так. А хода обратно нет. Отчего это происходит с её мальчиком? Что теперь делать, куда бежать? Думать было некогда. Дни в заботах проплывали мимо, словно плотно набитые чемоданы на багажной конвейерной ленте.

Когда она только перевозила к себе сына, то бежала домой с радостью, неслась будто на крыльях глассера по поверхности воды, едва её касаясь. Потом Олеся и сама, как ей казалось, превратилась в тяжёлую баржу, гружённую щебнем и лесом, еле выплывающую против течения. Да, ей говорили, что детдомовский ребёнок — это сложно, но что это настолько сложно, она и представить себе не могла.

Олеся утешала себя тем, что делает доброе дело, что мальчик вырастет, пусть он и не будет хватать звёзд с неба, но их отражение ведь можно зачерпнуть в ладони и в тихой озёрной воде... И это тоже давало ей надежду. А теперь где эти звёзды? Только дно, которое всё больше тянет вниз.

74

Прошло время, Кирилл стал старше. Теперь во время ссор он кричал Олеся:

— Ты мне вообще никто! Уйду к настоящей маме!!!

Олеся злилась на него и, не сдержавшись, кричала в ответ:

— Иди! Скатертью тебе дорога в притон алкоголиков и наркоманов... Узнаешь, почём фунт лиха!

Однажды в один из дней, когда они жили мирно, Кирилл заявил ей, что хотел бы найти настоящую маму.

— Зачем? — искренне удивилась Олеся. — А я разве мама настоящая?

— Нет, — помотал головой Кирюша. — Ты же сама говорила, что ты меня не рожала. Значит, настоящая. А я хочу найти настоящую.

Олеся перевела тему, надеясь, что он забудет об этом. Но, как оказалось, не забыл...

75

У мальчика всё чаще стали повторяться истерики. Они возникали как реакция на любое замечание, даже незначительное.

«Меня никто не понимает! Я изгой! Мне было бы лучше в детдоме! — кричал в такие минуты Кирилл, заливаясь слезами. — Я никому не нужен».

Олеся терялась и не знала, как себя вести с сыном. Пыталась приобнять, но Кирилл вырывался, зло отталкивал её, при этом глаза его метали стрелы: мог бы — убил бы взглядом. Всякий раз, когда приемная мать что-то ему запрещала, в глазах ребёнка зажигался лазерный лучик ненависти, прожигающий её насквозь. Она терзала себя вопросами: откуда эта ненависть? Корила себя за то, что рассказала Кириллу о биологической матери.

Наконец Олеся решила, что он стыдится своего прошлого, неблагополучных кровных родителей. Возможно, он не хотел бы об этом знать. От этого чувство ущербности останется даже у маленького человека, а приёмные родители, выходя, такими откровениями лишней раз реанимируют этот стыд.

Во время очередной вспышки Кирилла Олеся, вымученная истерикой, отвернулась от этого ненавидящего взгляда и поймала уголком глаза в зеркале отражение лица сына. Оно выглядело спокойным, будто и не было только что

этого припадка. Кирилл цепким взглядом ловил каждое движение матери. И Олеся стала догадываться, что мальчик разыгрывает перед ней спектакль — пытается манипулировать, чтобы добиться жалости, а значит, получить требуемое. Она решила тогда, что надо перестать его жалеть и быть более требовательной и настойчивой. С того дня на каждую истерику Кирилла Олеся реагировала вселенским спокойствием как мраморное изваяние.

76

Чем старше становился Кирилл, тем отчётливее звучало у него желание уйти к настоящей матери. Свою кровную маму мальчик постоянно жалел и говорил, что она больна, а он её вылечит, что он чувствует свою ответственность за неё. Говорил, что у неё были житейские трудности, она не хотела его отдавать. Эти разговоры каждый раз пугали Олеся, хотя давно поняла, что розовым мечтам о сыне, частичке если уж не плоти, то хотя бы ее духа, суждено умереть.

Олеся слышала, что приёмные дети рано или поздно все начинают искать свою биологическую мать, но была к этому совсем не готова. Ей казалось, что эта чаша её минует, у них всё будет по-другому, ведь она столько вкладывала в ребёнка, отдавала всю себя, потеряла мужа и искренне надеялась на то, что время и труд её души сгладят, точно ветер и дождь, все углы и шероховатости на том камешке, который она случайно нашла. Ан нет...

Олеся подумала и решила: пусть ищет, уходить к ней всё равно он не захочет, слишком уж сравнение будет не в пользу родной мамочки. Годы борьбы за ребёнка прошли по Олесиной душе точно пустынный ветер. Всё выгорело. Один песок, который можно набрать полные ладони и смотреть, как он утекает между пальцев тоненькой струйкой.

Вот так же уходят надежды...

77

В очередной раз на угрозы сына найти биологическую мать Олеся кивнула:

— Хорошо! Давай напиши ей письмо.

Кирилл сразу взялся за дело.

Спустя полчаса письмо было готово. Содержание его подкосило Олеся. Читая, она держала лист в подрагивающих руках. Слёзы обиды наворачивались на глаза, и она силилась не разрыдаться.

«Здравствуй, мама! Я давно тебя жду и надеюсь, что ты меня заберёшь. Я знаю, что ты есть. Я не прижился в чужой семье. Я жду, что ты приедешь. Я учусь в школе. Я хорошо умею читать и писать. Я умею немного готовить, и, если ты не умеешь, я тебя научу. Я помогу, если тебе очень сложно. Но я люблю тебя такой, какая ты есть».

Поразмыслив несколько дней, Олеся решила всё же отправить письмо адресату. По крайней мере, это будет честно, а Кирилл всё равно не отстанет. Призрачная детская надежда, что «мама приедет и заберёт», будет занозой сидеть в нём, не давая покоя. Пусть сам убедится, что женщине, которая уже предавала его, он не нужен.

78

Адрес биологической матери Кирилла у Олеси был: попросила как-то в опеке на крайний случай. Она отправила письмо. На ответ Олеся особенно не рассчитывала, а Кирилл ждал — каждый день бегал к почтовому ящику.

Однажды Олеся из любопытства нашла в соцсетях профиль матери Кирилла. Женщина, видно, пьющая. На фотографиях — одни застолья в какой-то грязной комнате, тут же по углам пустые бутылки. Были фотографии, на которых женщина держала на коленях девочку, как поняла Олеся, это была её дочь.

Написать ей в соцсетях Олеся не решилась. Да и зачем? А отклика на письмо Кирилла так и не было. А если бы она отозвалась и сказала: «Переезжай ко мне!»... Что тогда? Кого бы выбрал Кирилл? Олеся мучила себя догадками, но ответа не находила.

И всё равно порой вновь и вновь слышала от Кирилла, что она ему не мать и он убежит к настоящей маме. Это повторялось каждый раз, как только Олеся начинала что-то требовать от ребёнка или запрещать ему. Ей было до слёз обидно, что она из сил выбивается, чтобы

мальчик не знал ни в чём нужды и не имел отставания в развитии от сверстников, а он всё время ставил ей в противовес родную мать, которой и дела до него никакого нет. Потом с горечью Олеся подумала о том, что она всё время что-то хочет от Кирилла, ставит ему рамки, условия, а родная мама ни с чем не пристаёт. Вообще ни с чем. Отсюда и любовь к ней.

Порой Олеся пыталась искать причины в себе. Что она делает не так? Может быть, сама виновата? Но слепое желание вырастить из сына «человека» давило в ней сомнения, ведь она жила ради него. И лишь иногда в голове вспыхивали тревожные звоночки: а ведь её собственная мать вела себя с Олесей точно так же. Даже те безапельсионные нотки в голосе, что так раздражали её в матери, она теперь находила у себя.

79

Обычно Олеся пугалась вспышек Кирилла, уходила в себя, переживала. А однажды, не сумев сдержаться, тоже начала кричать.

— Давай вали! Как волка ни корми — всё в лес смотрит. Яблочко от яблони... Катись по наклонной плоскости вместе со своей мамочкой! До тюрьмы докатишься — она тебе передачи носить не будет! — сама не ожидая от себя такого, выоралась Олеся, и слёзы хлынули по щекам.

Кирилл уставился на неё холодным взглядом, лицо его как будто окаменело. Тихо, спокойно ответил:

— А я тебя зарежу.

Это было сказано таким тоном, что шокированная Олеся подумала: а ведь он может вырасти в настоящего отморозка. Неужели это из-за того, что она слишком взыскательна к сыну?

80

Когда Кирюша учился в пятом классе, он исчез. Просто не вернулся домой из школы, все вещи его были на месте... Олеся пришла с работы, а его дома нет. Сначала решила, что сын отправился гулять с друзьями или засиделся у кого-то дома.

Накануне у них в семье всё было мирно. Отп-

равляя сына в школу, она собрала ему завтрак, поцеловала и обняла на прощанье, наказала, чтобы долго не гулял, а делал уроки.

Олеся прождала его до восьми вечера. Тревога нарастала. Она бродила по комнате из одного конца в другой и не могла остановиться — как маятник. Всё валилось из рук. То ей чудилось, что сын попал под машину, что его избили, или, лазая с ребятами по деревьям в парке, покалечился... Воображение рисовало Олесе сцены одна страшнее другой. Уже ближе к девяти часам обзвонила друзей и одноклассников Кирилла, чьи номера нашла. Никаких новостей.

Близилась ночь. Олеся разрывалась: то ли бежать его искать по дворам, то ли ждать дома. Она боялась, что он вернётся, а её дома нет. Не выдержала: по-быстрому обежала окрестные дворы, а остаток ночи провела у окна, выглядывая редких прохожих.

На другой день к восьми утра она уже была в отделении полиции. Ребёнка начали искать: сбор информации, ориентировки... Первым делом сходили по адресу биологической матери. Там Кирилла не было, но и самой её дома не было, как сказали соседи, уже несколько дней. Тогда стали искать еще и биологическую мать.

Поступил сигнал, что ее видели в одном из дворов в компании местных алкашей. Удалось установить, в какой квартире не первый день идет кутёж. Выяснилось, биологическая мать гостила у собутыльников, причем неподалеку от дома Олеси — на соседней улице. Кирилл каким-то образом сумел ее отыскать. Там же, в этом притоне, мальчика и обнаружили сотрудники полиции. Он сидел на грязном полу, растерянный и испуганный, а рядом лежала беспробудно пьяная женщина.

Кирилла вернули приёмной матери.

81

После того побега зажили спокойно. Олеся тянула быт, ухаживала за сыном. Мальчик как будто притих, и это даже радовало её.

Кирилл стал шестиклассником. Среди ребят он был самым старшим — все-таки в школу пошел с восьми лет, к тому же пришлось побыть второгодником.

Олеся всё чаще замечала, что сын стал какой-то заторможенный и вялый. «Не заболел ли?» — волновалась она. Такое поведение Кириллу было не свойственно, он скорее склонен к гиперактивности. Но... может, вырастет?.. Все-таки уже подросток... Сын всё время ходил сонный, хотя и спать ложился вовремя. Олеся беспокоилась, но дурные мысли от себя гнала. Вечерами она привычно заглядывала в комнату Кирилла, проверяла, уснул ли, а тот и через час, и через два крепко спал, разметавшись по постели. Иногда Олеся входила в комнату, чтобы поправить на нем одеяло. Она смотрела на спящего Кирилла, и в такие моменты он напоминал ей о сбитом мальчишке, который вот так же, распластанный, лежал на асфальте.

Когда утром мать пыталась разбудить его, чтобы отправить в школу, сын просыпался не сразу. Иногда бормотал сквозь сон, что сейчас встанет, иногда натягивал одеяло на голову, клал на неё подушку — не добудиться. Олеся сдёргивала с Кирилла одеяло, ругалась, иногда даже прыскала водой из пульверизатора для цветов. Только тогда, выпутываясь из сонной одури, Кирилл поднимался и плёлся в ванную.

В этом зловещем затишье Олеся казалась, что она теряет сына — сонный, заторможенный Кирилл казался ей таким далёким, неприступным. Слышит ли он её, видит ли этим затуманенным взглядом? Но она гнала от себя дурные мысли. Так хотелось пожить спокойно. За долгие годы измученная переживаниями душа как будто ставила стены, застилая тревоги. Она убеждала себя, что всё хорошо, ребёнок покладист. Чего ещё надо? Спит и спит себе. А если и занят своими делами, то за компьютером сидит, — дома ведь, а не по улицам болтается.

82

Зима отступила, пришла весна. И вот уже пышные кипенно-белые, розовые сады колыхал лёгкий ветерок, и чудилось Олеся, что это море на восходе солнца катит волны, качая морскую пену. Запах цветения яблонь и вишен перебивал аромат черёмухи — сильный, назойливый, кружащий голову до одурения. Олеся наслаждалась весной, вдыхала её пьянящие запахи полной грудью. Впервые за многие годы

приходили минуты, когда она вновь чувствовала себя почти счастливой, как в юности, когда жила без забот и страхов.

83

Близился конец мая, до завершения учебного года оставалось совсем чуть-чуть. В один из дней Олеся в очередной раз не могла добудиться Кириюшу в школу. Он что-то бормотал во сне, вскрикивал, она трясла его за плечо, а сын укрылся одеялом с головой. Олеся не отставала, и наконец он нехотя поднялся, сел. Кирилл ещё какое-то время так просидел на постели, уставившись в мутный серый рассвет за окном воспалёнными глазами.

Глаза красные — отметила про себя Олеся, но ничего ему не сказала. Сын встал и поплелся в ванную умываться.

От завтрака Кирилл не отказался. Ел очень быстро, гречку почти проглотил. Может, это от того, что мать зудит над ухом, мол, надо то-ропиться? А потом он услышал звонок мобильного и выскочил из кухни, на ходу жуя бутерброд с сыром.

Пока Олеся убирала со стола, сын оделся, схватил рюкзак и убежал. Она посмотрела на часы: должен успеть как раз ко звонку.

На сегодня у Олеся были свои планы, а сына она в них не посвятила. Решила в районе обеда зайти в школу и переговорить с учительницей: у той как раз в это время приёмные часы для родителей. Оценками Кирилл не блистал, и Олеся хотела узнать, к чему им готовиться, — всё-таки конец учебного года.

84

Когда Олеся пришла в школу, была перемена. Она заглянула в класс Кирилла. Сына в кабинете не оказалось. Олеся вошла и подозвала одноклассницу Лену, которая сидела с Кириллом за одной партой.

— Лена, здравствуй. А где Кирилл? — спросила Олеся, попутно рассматривая расхаживающих между рядами ребят.

Девочка сразу не ответила. Она сперва метнула взгляд на дверь, как будто избегая вопросительного взгляда Олеся. Что-то было такое в

глазах Лены, от чего Олеся напряглась. Нехорошее подозрение зародилось в ней, повторила вопрос:

— Где Кирилл?

— Я не знаю, — торопливо ответила девочка. — Его в школе сегодня не было. Я думала, он заболел... — сказала и умолкла.

Олеся не сводила с Лены испытующего взгляда. Было видно, что девочка испугана, она в смятении, могла бы — убежала куда ноги несут.

Насторожившись, Олеся окликнула других ребят, стала расспрашивать. Оказалось, Кирилла сегодня не видел никто.

Олеся выскочила в коридор, вытащила из сумки мобильник, набрала сына. Ответа не было. Беспокойство всё больше охватывало её, как если бы она одна оказалась в тёмном и глухом подземелье, в котором слышит где-то звон родника, но не знает, как выйти на поверхность. Что делать? Где его искать? Олеся огляделась, надеясь, что Кирилл появится с толпой ребят.

85

В конце коридора показалась классная руководительница. Увидев Олеся, учительница кивнула, давая понять, что идёт к ней.

Первая её фраза была для Олеся как ушат ледяной воды.

— Вы понимаете, что мы его теряем? — вместо приветствия тревожно сказала учительница.

Сердце Олеся ухнуло, в глазах потемнело, казалось, реальность разбивается на миллион осколков и земля уходит из-под ног. В это мгновение в руках Олеся завибрировал телефон. Зазвучала песенка крокодила Гены — эта мелодия на вызовах с номера Кирилла. С Олеся будто могильную плиту сняли. Она смотрела на дисплей мобильного: с фото улыбался её мальчик.

— Сыночек, ты где? — Олеся готова была разрыдаться от пережитого напряжения, но сдержалась.

— Здравствуйте, — говорил незнакомый женский голос. — Это из больницы...

— Как из больницы? Почему из больницы? — перебив, почти крикнула Олеся.

— Ваш сын погиб, — отчеканила женщина,

она проговорила это так, будто ей дали команду стрелять на поражение.

86

Кирилла нашли возле новой многоэтажки, неподалёку от школы. Он спрыгнул с общей лоджии на лестничной площадке, причём не один. Вместе с Кириллом сбросился незнакомый Олеся подросток. Мальчики летели, держась за руки, а их запястья были перемотаны скотчем. На следующий день фотографии падающих с верхнего этажа детей всколыхнули интернет. Им ставили лайки, писали комментарии, делали репосты. Два погибших ребёнка стали чуть ли не героями социальных сетей. Кто-то из подростков выложил видео: связанные мальчишки летели в бездну, раскинув свободные руки — два неоперившихся крыла.

87

Горстями глотая успокоительное, Олеся готовилась к похоронам. Помочь было никому — всё выбегала сама. Решила похоронить сына на том же кладбище, где лежала её мать.

К траурному залу пришли проститься ребята из школы, некоторые — с родителями, но на кладбище почти никто из них не поехал. Зато поддержать Олеся пришли коллеги из редакции.

Накрапывал мелкий дождь. Лицо Кирилла, лежащего в гробу, влажно поблёскивало, будто от пота. Олеся, накачанная успокоительным, стояла рядом, а мозг отказывался верить, что она видит мальчика в последний раз. Нет, это не с ней... Это не Кирилл... Горе оглушило её. Олеся раскрыла зонт и прикрыла от дождя Кирюшину голову. Кто-то тронул её за плечо — она обернулась.

— Всё, заносим!

Открыли дверцу катафалка.

— Хоть целлофаном бы накрыть... — шепнула Олеся, сглатывая комок в горле. — Промокнет же...

Когда приехали на кладбище, дождь усилился. Дальше было не проехать, поэтому решено было идти пешком и гроб нести на руках.

А пока гроб поставили на чурбачки, нача-

лось прощание. Учительница говорила какие-то слова, но Олеся мало что понимала. Она смотрела на лицо Кирилла, по которому стекали дождевые капли. Над Олесиной головой кто-то раскрыл зонт, другой зонт прикрыл голову Кирилла. Олеся не сводила с мальчика глаз: волосы у него такие влажные, будто только из душа вышел. Она вынула из сумочки носовой платок, промокнула ему лоб, пригладила слипшийся вихор, будто сейчас это было важно. Платок мигом промок. Олеся окинула невидящим взглядом людей:

— Платок!.. Дайте же кто-нибудь ещё платок! К ней протянулись сразу несколько рук.

Она приложила ткань к Кирюшину лицу и неотрывно смотрела на него, будто пыталась запомнить каждую деталь. Подумалось: «Как же он умудрился не разбить лицо?»

Наконец присутствующие попрощались с покойником, гроб заколотили.

До могилы шли по развезённой глине, ноги скользили. Олесю поддерживал под руку муж приятельницы.

88

Добрались до нужного участка. Яма была готова. Могильщики стояли тут же. Один из них кивнул Олесе на яму. И она, поймав его взгляд, сделала шаг к могиле, посмотрела вниз, а там стояла мутная рыжая вода.

— Ну что, опускаем? — с ухмылкой спросил тот.

— Как? — выдохнула Олеся. — Разве так можно? В воду? Разве можно так, в воду? — она в растерянности обернулась к небольшой группе людей, стоявших позади.

Тот могильщик подошёл к Олесе, обдав её запахом перегара, шепнул:

— Есть сухая. Пять тысяч. А место можно у директора кладбища переоформить. Эту-то яму мы вчера копали. Низина. Грунтовые воды набрались, да ещё дождь шёл всю ночь. А там повыше местечко будет, да я ещё прикрыл маленько... — воспалённые глазки цепко следили за Олесей, пытаясь угадать её реакцию.

Сообразив наконец, что от неё требуется, Олеся судорожно начала рыться в сумочке. Достала смятые купюры, протянула могильщи-

ку. Тот ловким движением схватил и припрятал, а затем, махнув напарникам, двинулся обратно, по направлению к выходу с кладбища. Похоронная процессия тоже развернулась и пошла за кладбищенским предводителем.

Могильщик не обманул: яма была сухая, на возвышении. Там Кирилла и похоронили.

89

После гибели Кирилла Олеся жила как в тумане. На девятый день, как положено, съездила к нему на кладбище, постояла у свежего могильного холма.

А вечером, опустошенная, вымотанная, бесцельно стояла у окна. На небе была кровавая луна. Она виднелась через темные силуэты деревьев. По оранжевому огненному шару, похожему на огромную шаровую молнию, тянулась чёрная трещина — очертание толстой ветки. Небо было будто в зареве пожара, и казалось, огонь охватит теперь весь город, а тот вспыхнет, как спичечный коробок, брошенный в костёр.

90

Едва пережив Кирюшины похороны, Олеся вышла на работу в редакцию. Коллеги как будто сторонились её. Неужели она стала здесь чужой? Или они не хотели прикасаться к чужому горю? Пару раз Олеся слышала за спиной перешёптывания: кто-то сочувствовал, а были и те, кто судачил: «Я же говорила... чужая кровь. Чего же от него ждать?» И от этого Олесе хотелось заткнуть уши.

Ей часто казалось: вот-вот хлопнет входная дверь, сын войдет в квартиру, и всё у них будет как обычно, будто не было этих похорон. Любый шорох, скрип, шелест, стук напоминали ей о Кирилле. «Это он в своей комнате чем-то занят!» — мысль то и дело приходила к Олесе, стоило ей заняться делами и чуть отвлечься от горя. Звонит телефон — это от Кирилла, и она мигом хватала трубку. Олеся с беспокойством поглядывала на часы в то время, когда ребёнок обычно приходил с улицы, но спохватывалась: его больше нет. Пора привыкнуть к тому, что тишина живая и несёт в себе десятки звуков:

капающий на кухне кран, тиканье часов, вибрирование и гул холодильника, шорох шин за окном.

Олеся чувствовала себя так, будто подорвалась на mine: разлетелась на окровавленные фрагменты — не соберёшь. Она просыпалась ночью, порывалась пойти проверить, спит ли мальчик, но тут же вспоминала, что беспокоиться больше не за кого. Тогда она лежала без сна и думала о нем. Что она сделала для него не так? А может, для себя? Где ошиблась? Страх одиночества погнал её в детдом. А что в итоге? Одиночество, помноженное на одиночество.

91

Прошло полгода с гибели мальчика. Олеся порой перебирала вещи Кирилла, раздумывая, как с ними поступить. Раздать? Нет, рано. Она ещё не готова перерезать эту связь. Пока вещи дома — Кирилл здесь.

Однажды Олеся включила компьютер в комнате сына. К её удивлению, пароля не было. Она открыла браузер и зашла на страницу сына в социальной сети.

Тут же наткнулась на репост картинки: поезд мчится прямо на зрителя. В головном вагоне сидит машинист, а на перроне надпись как будто мелом: «Этот мир не для нас».

На следующей фотографии Олеся увидела мальчика, который стоял на крыше небоскрёба. Он воздел руки к солнцу, а рядом на ограждении странная надпись: «Мы — дети мёртвого поколения».

Потом Олеся наткнулась на Кирюшину запись на стене: «Лучшие вещи в жизни с буквой «с» — семья, суббота, секс, суицид».

Олесю как током ударило. Господи, это ещё откуда?! Женщину стало трясти, ею всё больше овладевала ужасающая мысль: Кирилл вот этой дрянью жил. И она ничего не замечала! Радовалась только, что перестал искать биологическую мать и задавать неудобные вопросы.

Олеся вышла из-за стола. Несколько часов она бродила по квартире, боясь приблизиться к компьютеру сына. Наконец решилась: вернулась в его комнату. Открыла вкладку сообщений. Как странно! Сообщений почти нет, а те, что остались — от одноклассников — очень

давние. Неужели незадолго до смерти Кирилл ни с кем не переписывался? Поверить в это было сложно, потому что он подолгу сидел в соцсети. Вывод напрашивался один: последняя переписка была удалена. Но почему? Что надо было спрятать? Недоумевая, Олеся кликнула на вкладку «Сообщества», чтобы посмотреть, на какие группы, паблики был подписан Кирилл.

«Киты не плачут», «Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Киты плывут вверх», «Космический кит», «Китовой журнал», «Океан китов», «Бабочка»...

92

Всю ночь Олеся не спала: перелистывала страницы сообществ, изучала контент. Содержимое её шокировало. Она не могла оторваться от этого кошмара, в который погружалась всё глубже.

Что с этим делать? Может, это шутка? Тогда слишком уж зловещая.

Олеся начала искать информацию в поисковиках. Оказывается, игра такая есть, об этом даже писали в новостях. Но поверить, что в этот чудовищный квест попал Кирилл, было невозможно. Вообще, всё это, вплоть до журналистских материалов, казалось дурным сном, выдумкой. Мозг напрочь отметал, что такое в принципе возможно. Но причина смерти сына не давала покоя. Терять Олесе было нечего, кроме времени, и она решила попробовать. Тем более сценарий был довольно подробно изложен в одном журналистском расследовании.

93

На следующий день Олеся создала страницу от имени подростка: вымышленные имя, фамилия, а между ними ник «Потерянный».

На странице поставила теги: «синий кит», «явигре», «разбуди4.20». Через час ей пошли сообщения от незнакомого пользователя: «Ты мальчик? Тебя не понимают родители? Разлюбила девочка? Тебя предали или обидели друзья? Ты любишь слушать грустную музыку?»

Она ответила, что её не понимают родители и что она изгой в школе.

— Ты точно хочешь начать игру?

— Да.

— Тогда подписывайся на группу «Киты плывут вверх». Первое задание для тебя: учись рисовать бабочек и китов. Чем больше нарисуешь, тем быстрее поднимешься вверх группы. Мы тебя здесь не оставим.

Олеся вступила в группу. Бегло пролистала стену: много картинок, фотографий. Ничего страшного с виду: экзотические бабочки, цветы, киты, дельфины. Олеся даже залюбовалась выложенными картинками.

Припомнила, что незадолго до гибели Кирилл увлёкся рисованием. Да, именно бабочки, киты появлялись на бумаге. Тогда Олеся радовалась, что у сына новое и полезное для общего развития хобби.

Олесе было невдомек, что это символы: бабочки живут всего день, а киты, выбрасываясь на берег, совершают суицид, причём часто стаями, а не поодиночке. Почему столь умные животные — киты — массово кончают жизнь самоубийством — загадка. Один словно сходит с ума — и они слепо следуют за ним, теряя ориентацию в пространстве и приплывая на мелководье? Здоровые, молодые, полные сил особи обрекают себя на гибель.

Чувство стайности свойственно подросткам, а Кирилл чувствовал себя белой вороной — чужаком — уже потому, что его бросила родная мать. Ему, наверно, хотелось быть «в стае», то есть как все, но он чувствовал отторжение, строила догадки Олеся. Она старалась быть ему хорошей матерью, но получала ненависть взамен, причем пыталась успокоить себя, списывая Кириюшину агрессию на сложный возраст. Такое бывает и у кровных детей, Олеся и сама в детстве, юности порой ненавидела свою мать, когда та на неё давила.

94

Через пару дней Олеся состояла уже в семи группах на похожую тематику. Там были сотни тысяч участников, жуткий контент привлекал внимание подростков. Прошло еще несколько дней, групп стало уже больше

пятидесяти. Кое-где Олеся оставляла комментарии, подражая подросткам, а в одной из групп написала о своём желании поиграть в «Разбуди меня в 4.20».

Во всех группах рисовали не только китов, бабочек и дельфинов, там царил культ некой Рины. Олеся начала в поисковиках собирать информацию об этой Рине и содрогнулась от того, что узнала. Оказывается, это та девочка, которой поезд отрезал голову. Её фото было размещено во многих группах. Олеся стала понимать, что это не кадр из фильма ужасов, не постановочное фото, а реальность, которая случилась с ребёнком.

Вот что выяснила Олеся. 23 ноября 2015 года в одном из сибирских городов шестнадцатилетняя школьница, известная в сети как Рина, легла на железнодорожное полотно под движущийся поезд. Машинист предпринял экстренное торможение, но остановить состав не смог. Фото изуродованного тела девочки оказалось в сети почти мгновенно. На ее страницу в соцсети приходили тысячи детей — ставили лайки, комментировали. Погибшая стала для них героиней. «Рина, ты лучшая! Как жаль, что я тебя не знала. Ты мой герой, я тебя люблю! У тебя такие глаза, как будто сошла к нам с аниме», — писали дети под ужасающими фото.

У Олеси в голове не укладывалось, как симпатичная девчонка в малиновой шапочке могла совершить такое. «Ня. Пока», — последняя фраза вместо прощания. Как легко и просто... будто с подружкой попрощалась, расходясь по домам.

Чем больше Олеся узнавала об этой чудовищной игре, тем тяжелее было осознавать, что и Кирилл был среди этих ребят.

95

На следующий день Олеся вновь вышла в интернет. Обнаружила сообщение:

— Здравствуй. Я твой куратор.

Олеся поддержала диалог:

— Привет!

— Ты в игре?

— Да.

— Точно решился?

— Да.

— Ты понимаешь, что выйти из игры нельзя: надо идти до конца?

— Да, понимаю.

— Почему ты хочешь умереть?

— Никто не любит меня. Я одинок. Не справляюсь со школьной программой. Учительница назвала меня дебилом, мама всё время ругает и тянет за уши учиться, — писала Олеся, стараясь выражаться так, как это делают подростки.

На другом конце, похоже, ей верили.

— Тогда для тебя единственный выход — выпилиться, — пришёл ответ. — При таком повороте все будут раскаиваться и жалеть. Ты должен всех наказать!

— ОК.

— Твоё первое задание: вырезать на руке лезвием F57.

— А из какой ты группы?

— Неважно. Я Кит. Фото не забудь кинуть.

96

В тот день на Олесиной фейковой странице в соцсети появилась дата — отсчет дней начался.

Как только Олеся ответила, что готова к смерти, к ней целыми партиями стали добавляться в друзья разные люди. Каждый из них начинал с ней переписку — и Олеся почти не спала две ночи подряд, отвечая на сообщения пользователей, как она поняла, в основном подростков.

Олеся вновь засела на поисковых ресурсах. Искала, что может подсказать, кто за всем этим стоит. Вот что она обнаружила: «... В Московской области задержали подозреваемого в рамках уголовного дела по факту подстрекательства в доведении до самоубийства. Им оказался администратор одной из «групп смерти», зарегистрированный в сети под псевдонимом *****». Нашла и его интервью. Он говорил: «Есть люди, а есть биомусор. Это те, кто не представляет никакой ценности для общества и несёт или принесёт обществу только вред. Я чистил наше общество от таких людей. Долго смеялся, когда видел, как все пытаются понять, что же значит «F57». Всё просто. F — первая буква моего имени.

57 — последние цифры моего тогдашнего номера мобильного».

Олеся смотрела на фото: на нём молодой человек, самый заурядный — таких полно в любом городе. И это за ним шли толпы заблудившихся в жизни детей. Парень рассказывал о том, что нужно подтолкнуть подростка к тому, чтобы тот не спал ночью, — тогда он станет управляемым. Если здоровый режим сна нарушить, то психика легко подвергается воздействию, поэтому-то сеансы связи и начинались в 4.20.

97

На следующий день Олеся кое-как нацарапала на руке «F57» и послала фотографию, немного беспокоясь о том, что её рука мало похожа на подростковую.

— Молодец, жди следующего инструктора, он напишет тебе, — заявил «куратор», получив фотографию выполненного задания. — Мое дело — проверить, готов ли ты на всё ради смерти.

На второй день ей прислали страшные видеоролики, которые она должна была посмотреть.

Олеся включила ролик. В кадре юноша аккуратно разрезал вену на левом запястье, кровь красной змейкой побежала по ладони на паркетный пол. Вокруг юноши образовалась лужица, она всё росла и росла. Герой устроился в кресле, опустив руку в ведро с водой, стоявшее рядом. Вода была, по-видимому, горячая: от неё шёл пар. В Олесиных глазах тут же комната поплыла — всё заволокло серой пеленой. Она впала в ступор, не в силах отвести взгляд от экрана. Теперь юноша уставился на неё в упор. Лицо его было сероватым, как апрельский наст, уже впитавший уличную грязь, глаза неживые.

Не в силах смотреть эту жуть, Олеся закрыла видео, выключила компьютер. К горлу нестерпимо подкатила тошнота, она пулей полетела к унитазу, еле сдерживая рвотный позыв. После рвоты Олеся два часа лежала на диване в надежде, что тошнота отступит, но лучше ей не становилось. Теперь ещё и в глазах как будто мельтешил рой мошкар. Чувствовала она себя как в каюте лайнера, вошедшего в штормящее море. «Господи, как они всё это смотрят?..

— думала она. — Неужели и Кирилл смотрел эту гадость?»

К следующему утру Олеся кое-как оклема-лась.

98

На третий день в личные сообщения прислали следующее задание — неглубоко порезать вену. Надо было сделать три пореза. Олеся нашла в интернете подходящее фото и послала куратору, выдав за своё.

Тут же из памяти вынырнуло поплавам одно воспоминание: а ведь сын незадолго до гибели стал носить футболки только с длинными рукавами. Как-то рукав на одной руке задрался, и Олеся заметила, что она вся в мелких порезах. Они были явно неглубокие и неопасные — ближе к царапинам.

— Что это у тебя? — спросила тогда Олеся.

— Мы лазили по кустам шиповника... Поцарапался колючками, — ответил Кирилл.

— Надо было сказать — я бы обработала. Вдруг инфекция попадет!

— Отстань! — буркнул Кирилл и ушёл в свою комнату, заперев дверь на задвижку.

99

Следующие задания Олесе сообщали всё новые и новые пользователи, добавлявшиеся в друзья: то требовалось порезать губу, потыкать себя иголкой или вырезать бритвой на ноге слово «якит», сделать фотографию с крыши дома, пробыть три часа в подвале, посидеть на перилах моста.

Задания становились всё более опасными, всё агрессивнее вели себя эти так называемые «инструкторы». Теперь они подначивали скорее выполнить задание и постоянно отслеживали появление Олеси в сети, каждый раз напоминая о себе. К тому же стали требовать номер мобильного. Она тянула, раздумывая, что делать и как выходить из этого. Продолжать игру ей, взрослой женщине, совершенно не хотелось: она и так уже имела представление, что произошло с Кириллом. Однако сам страх, сопричастность к этой ужасной детской тайне засели в ней и упорно заставляли каждый день

заходить в тот аккаунт соцсети. Она как будто подглядывала в замочную скважину за преследователями и никак не могла остановиться.

Но молчанием отделаться от новых знакомых не удавалось — они вели себя настойчиво. Не выдержав, Олеся ответила на очередное напоминание прислать фото с крыши:

— Нет, я боюсь высоты и не могу стоять на краю крыши.

В ответ ей пришло сообщение:

— Ты что, выходишь из игры?

— Ну, конечно, — тут же ответила она.

В ответ пришла злоедающая картинка со скелетом, на которой было написано: «Жди».

Олеся спросила:

— Что это означает? Ты убьёшь меня?

— Родных, — был ответ.

— А что, ты знаешь мой адрес? — Олеся напугалась.

Через несколько минут прилетело сообщение: домашний адрес был указан верно, даже номер квартиры.

Шокированная Олеся закрыла браузер и выключила компьютер.

100

В тот вечер ей не спалось почти до самого утра. Не помогали даже успокоительные — настолько переволновалась. Она догадалась, как вычислили её домашний адрес. Конечно, по IP-адресу, ведь Олеся, потеряв бдительность, переходила по разным ссылкам, которые ей присылали.

И что теперь делать? Как поступить с этой информацией, которую узнала? Куда бежать? В полицию? Стыдно признаться, что сама влезла в этот подростковый бред. К тому же всё это прекрасно известно, ведь и сама Олеся брала подсказки из открытых журналистских материалов. Она всего-навсего вслед за подростком прошла часть этого пути. «Но ведь эти люди могут быть причастны к доведению до самоубийства Кирилла!» — пыталась спорить со здравомыслием Олеси. И сама себе отвечала: «Могут быть... а могут и не быть, ведь следов переписки Кирилла с этими «инструкторами» не было: всё удалено! Полгода прошло с его гибели». Одно вне всяких сомнений: ей,

взрослой женщине, они ничего не сделают. Их цель — заставить подростка самого наложить на себя руки.

101

В тот аккаунт соцсети Олеся больше не заходила. Но мысленно она часто прокручивала в голове эту историю и прикладывала её к гибели приемного сына. Потом корила себя, что не успела вмешаться. Удивлялась тому, как он сопротивлялся влиянию её, приёмной матери, но пошёл на поводу у манипуляторов. Как сложно было свыкнуться с этим противоречием!

Горько было и от того, что заменить кровную мать Олеся не смогла, как ни старалась. Всё время что-то шло не так. Она так стремилась растопить сердце мальчика, а льдинка засела в её собственном сердце. Или это тень нерожденного ею ребёнка стояла между нею и Кириллом? Или чувство вины за смерть сбитого на дороге Илюши? А может, и то и другое?..

Вот что теперь Олеся стало совершенно понятно: она решилась взять приёмного ребёнка, чтобы избавить себя от одиночества... И Кирилл пошёл по этому пути самоубийц, потому что чувствовал себя одиноким. Они были рядом, два одиночества, но так и не стали семьёй. Олеся вытащила своего мальчика из страшной сиротской системы, одела, обула, накормила, подарила ему гаджеты, но не смогла стать для него проводником в реальный мир.

102

Или годы. Олеся жила одна, работала, только теперь уже дополнительно получала пенсию — возраст всё-таки. Хотя Олеся его совсем не чувствовала, на здоровье не жаловалась, да и с её опытом работы она дала бы фору многим молодым сотрудникам.

С нового года региональное правительство перестало финансировать газету, в редакции которой Олеся работала уже много лет. Вернее, четыре газеты были реорганизованы в одну, а та вошла в холдинг. Больше половины сотрудников шли под сокращение. Не надо долго гадать, кого оставят без работы в первую очередь...

В один из дней Олеся вызвали на беседу к начальству. Главный редактор был подчеркнуто вежлив, разговаривал с ней осторожно, но поставил перед фактом: для неё работы в редакции не будет. Сдерживая эмоции, Олеся подписала приказ о сокращении, даже нашла в себе силы улыбнуться и понимающе кивнуть. Но чувствовала себя отвратительно... Ещё бы, она почти всю жизнь отдала редакции, а её пожевали, пожевали и выплюнули, как кислое яблоко.

Олеся казалось, что работать она будет еще долго, а вышло вот как — пнули в два счёта. Домой она шла как слепая, и прохожие обтекали её с двух сторон. Игнорируя светофор, перешла дорогу на красный свет, хотя после того страшного ДТП правила дорожного движения она никогда не нарушала. Совсем рядом раздался автомобильный гудок, страшно заскрежетали тормоза — водитель сумел остановить машину буквально в полушаге от Олеся. А она даже головы не подняла — никакой реакции, будто оцепенела. Возле самого дома зашла в аптеку, купила пустырник с магнием и глицин. Не взяла сдачу, а книжечку с дисконтными карточками оставила на прилавке.

Пришла домой — и запруду прорвало. Она плакала, размазывая тушь по щекам. В прихожей несколько дней назад перегорела единственная лампочка, и Олеся, бросив мимоходом взгляд в зеркало, не узнала себя: в полумраке на неё смотрела старая чужая женщина с потухшим взглядом запавших глаз. Она вздрогнула: смерть померещилась ей в собственном отражении.

Олеся наконец скинула пальто, обувь. Бесцельно побродила по квартире, пытаясь занять себя кое-какими домашними делами, но все валилось из рук. Она решила прилечь. Попробовала заснуть, но не смогла, даже накопившаяся усталость и хроническое недосыпание не сделали своё дело: нервное перенапряжение брало верх. Принятый пустырник отключал разум, но сон не шёл.

Уже после трех часов ночи Олеся на короткое время уснула, дрёма была недолгой. Так и проворочалась на сбитой в складки простыне. Под утро стала мерзнуть, поднялась, стащила со стула шерстяной плед, кинула сверху на ватное одеяло. Олеся залезла внутрь, сверну-

лась калачиком в этой норе, как в материнской утробе, и почувствовала, что тело расслабляется. Подумала: «Неужели это всё и у меня уже не будет больше ничего хорошего? Только переползание изо дня в день?»

103

Пересидев дома неделю, Олеся решила действовать. Сначала попыталась искать хотя бы место администратора или похожую вакансию, но не получилось. Точнее говоря, женщину пенсионного возраста брать не хотели.

Одна знакомая посоветовала Олеся попробовать устроиться упаковщицей в магазине продуктов. А вот тут повезло. Олеся нашла такую работу, причём недалеко от дома. Приняли её охотно, зарплату назначили небольшую, но Олеся была рада и тому, и в редакции было много не заработать.

Помимо фасовки, Олеся, как и другим сотрудницам, приходилось таскать тяжёлые коробки с расфасованной продукцией: грузчиков не хватало. Но женщины приспособились возить их на продуктовой тележке.

Работая в редакции газеты, Олеся чувствовала свою значимость и нужность, а тут, в магазине, она была маленькой шестерёнкой в гигантском механизме: настолько ничтожной, что замедлит она ход — никто и не заметит.

104

После шестидесяти Олеся стала стремительно стареть. Ещё в юности она заметила, что у пожилых людей губы сложены подковой. Теперь она видела такую подкову, когда смотрела на себя в зеркало.

Однажды поймала себя на мысли, что ей стало всё безразлично. Монотонная работа отупляет, интерес к жизни пропал. Она была растеряна, как собака, потерявшая след. Крутится на месте, осматривается, а шагу в сторону не ступит. Да и куда? Зачем?

Олеся заметила, что стала по-стариковски осторожна, и даже её взгляд был боязливым, будто она опасалась увидеть некую мнимую опасность.

105

Олеся уже два года трудилась в супермаркете. Летом ей давали несколько недель отпуска.

От июльской жары, когда в городе асфальт плавился под солнцем, палящим сквозь марево от горящих лесов и торфяников, Олеся спасалась на даче.

В тот день она сняла со старой яблони первый в этом году урожай яблок. Сложила некрупные ещё плоды в коробку и подняла её. В этот момент в Олесиной голове что-то разорвалось: ощущение было такое, что в голове лопнул перезревший арбуз. Тьма заволочла сознание.

Она лежала на земле. Олеся казалось, она видит себя, то есть своё тело, со стороны. Вот оно распласталось в неприличной позе, ноги широко раскинуты, одна — согнута в колене, тёмно-синяя юбка с маками по полю задралась, голова повернута набок. По Олесиному лицу полз крупный муравей, таща соломинку. «Надо бы его смахнуть», — подумала Олеся — та, что наблюдала за собой со стороны. Но женщина, лежащая на земле, руки поднять не смогла, будто бы и не было её вовсе, хотя Олеся отчётливо видела свою кисть, покоящуюся на примятых стеблях клевера.

Пчела опустилась мохнатым брюшком на розовые цветки и стала засовывать хоботок в соцветия. Потом над клевером зависла стрекоза. Она парила в воздухе и не думала улетать, совершенно не обращая внимания на лежащую на земле женщину. Стрекоза медленно опустилась Олеся на волосы, зависнув в последний раз в десяти сантиметрах от лица. Посидела у неё на голове несколько секунд, поднялась в воздух и улетела. Настал черед мухи. Большая, жирная, блестящая, она нагло усеялась на лоб, но Олеся опять не чувствовала, как та щекочет её лапками.

Облака покоились над Олесей, и, казалось, они совсем рядом. Олеся как будто нырнула в небо и плыла, раздвигая облака, как толщу воды. Непривычно яркое солнце манило на ослепительный свет.

Серая птица села рядом с лежащей женщи-

ной и стала выклёвывать из земли гусеницу. «Надо же! Совсем не боится!» — подумала Олеся.

Стоял знойный день, было тихо. Лишь иногда слышался стук от яблок, которые опадали с веток. Одно упало совсем рядом с Олесиным телом, подкатилось под голову.

106

Наконец из-за забора раздались голоса соседей. Окликнуть их Олеся не могла: язык совсем не слушался. Неужели её так никто и не хватится? А кому она может понадобиться? Жила тихо и скрытно, тише мыши: иногда шебуршала по своим делам, до которых больше никому не было дела. Маловероятно, что соседей насторожит отсутствие Олеси на участке и они зайдут узнать, где она.

Но случилось то, на что она не рассчитывала. Шло время к обеду, а соседи обнаружили, что не привезли из города соль, потому и заглянули на Олесин участок.

Хозяйку обнаружили лежащей под яблоней. Соседка подбежала к ней, что-то кричала, тронула за плечо. Потом окликнула родных, те забегали, вызвали скорую.

Воздуха не хватало — Олеся начинала задыхаться. Соседи прикрыли её пледом, она скидывала его с себя, хватала стакан воды, который ей подносила соседка. Олеся пыталась пить, но вода текла по лицу — губы не слушались.

Воздуха, воздуха хоть глоток! Ей хотелось черпать воздух ладонями и ополаскивать в нём лицо. Дышать, дышать!

Медики в дачный посёлок прибыли через полчаса. Олесе впихнули в рот резиновую трубку кислородной подушки, оказали первую помощь, погрузили в машину и увезли с сиреной.

107

Месяц Олеся лежала в больнице — совсем не ходила. Потом врач велел потихоньку расхаживаться. Опираясь на санитарку, Олеся сделала первые шаги, затем училась ходить по

стеночке и потом передвигалась с ходунками, тростью.

К тому времени её собирались выписывать из больницы домой. Просить помощи было не у кого, и Олеся отыскала в блокноте номер телефона приятельницы, с которой когда-то работала в редакции. Та не отказала — помогла ей приехать домой, потом похлопотала в соцзащите — и Олесе, как человеку одинокому, выделили социального работника. Помощница приходила два раза в неделю, приносила продукты. Так началась у Олеси новая жизнь.

Она всё ещё плохо чувствовала левую половину тела: ногу волочила, рука почти не работала. Её ладонь словно одеревенела, кисть стала рыхлой и толстой, словно разбухла. Олеся пыталась разрабатывать ее ручным эспандером, но получалось плохо. Внешность её изменилась так, что она пугалась собственного отражения в зеркале: на неё смотрела одутловатая перекошенная физиономия с кривым ртом и заплывшими глазами, обрамленная ключьями давно не крашенных рыжеватых волос.

Олесе оформили инвалидность — пенсия стала чуточку больше. Из дома она не выходила, но худо-бедно могла сама себя обслуживать. Чтобы убить время, Олеся теперь смотрела телевизор. Ей уже было не до книг: зрение подводило, буквы мельтешили на странице. Будущее пугало, и она старалась о нём не думать. Олеся боялась своей немощи и слабости.

108

Месяца через два Олесе позвонила давняя знакомая Елена. Они много-много лет не поддерживали связь. И как она узнала, что Олеся болеет?

Когда-то эта дама работала на телевидении, но потом её, видимо, оттуда ушли, и она стала риелтором. Дела у неё шли настолько хорошо, что из скромной двушки в хрущёвке она переехала в собственный двухэтажный коттедж, во дворе которого стоял белый «BMW»...

Эта Елена активно взялась опекать Олесю. Сначала отвезла к нужным специалистам, на

приём к которым Олеся прийти сама не могла. То Елена помогала с уборкой, то привозила продукты, лекарства или вызывала мастеров, если требовалось что-то отремонтировать по хозяйству. А пару раз к Олеся приезжал и муж Елены — починил смеситель в ванной.

109

В ноябре Елена была занята своими делами, неделю не появлялась.

Олеся решила немного прибраться. Пыль лежала на полу серыми клубами, похожими на тополиный пух, особенно много их было под кроватью и в углу за креслом.

Сначала надо было вытащить банки с огурцами и компотами, стоящие под кроватью пятый год. Когда Олеся вытаскивала третью банку, перед глазами полетели золотые мушки. Комната стала стремительно накрываться серым облаком тумана. Звук воды, стекающей в металлическую раковину, удалялся всё дальше и дальше, пока наконец не исчез. Теряя сознание, Олеся опустилась на пол. Откуда-то сбоку огненным шаром выкатилась шаровая молния — и всё полыхнуло.

Очнулась она на полу. Долго лежала, вспоминая, где она и кто. Попробовала подвигать руками, ногами. Левая часть тела совсем не слушалась.

Олеся поняла, что сама сейчас встать не сможет. Она поползла к телефону, опираясь локтями на паркет, правую ногу подтягивала под себя, а левую волочила следом. Дотянувшись до трубки, набрала Елену — это единственный номер, который помнила.

Елена на звонок ответила, пообещала приехать... Спросила, сможет ли Олеся открыть дверь. Та сказала: попробует, но если что — у соседки есть ключ от её квартиры.

110

И действительно, Елена часа через полтора была у неё. Соседка, к счастью, оказалась дома, отдала ключ. Елена кинулась к Олеся, осмотрела её, помогла лечь на диван. О том, чтобы вызвать скорую, даже не заикнулась. К

тому же самой Олеся страшно не хотелось снова попасть в больницу. Мысленно увещевала себя: вот отлежусь — поднимусь на ноги.

А Елена, мигом оценив ситуацию, первым делом сходила в аптеку и принесла упаковку памперсов. Ловко переворачивая Олеся, раздела её и надела памперс. Той было стыдно, неловко, но пришлось смириться с тем, что ей придётся их носить. Выхода не было.

Олеся отвернулась к стене, пряча виноватый взгляд. Но что было делать? Оставалось только завидовать тем, кто потерял разум: им, по крайней мере, всё равно, что с ними происходит.

Елена и посоветовала Олеся пустить в другую комнату квартирантов. У неё как раз есть нуждающаяся в жилье семейная пара, русские. С тех денег Олеся сможет оплачивать помощь сиделки. А та пребывала в какой-то прострации, дрёме. Её волю и желания парализовало вместе с ней. «Пусть всё будет как будет... Всё равно жизнь прошла», — думала Олеся. Она то проваливалась в сон, то снова возвращалась в реальность. Её накрыла слабость.

111

На следующий день Елена привела в Олесяну квартиру молодожёнов, готовых жить в соседней комнате. Ещё через день появилась и сиделка. Договорились, что она будет приходить только днем — так дешевле. Оборотливая Елена похлопотала где надо и через пару дней принесла Олеся договор аренды на полгода. Подписали, и молодожёны заселились в комнату.

Прошло недели две. Олеся немного оклемавшись, даже начала с поддержкой сиделки перемещаться по комнате, дополнительно опираясь на трость. Олеся вполне осознавала весь трагизм ситуации, но теперь у неё появилась надежда на восстановление.

А потом наступил день, еще раз перевернувший её жизнь, как песочные часы.

После обеда в квартиру позвонили.

Олеся была дома одна, ее студенты-постояльцы в это время на занятиях в университете. Она сама пошла открыть дверь. На пороге стояла Елена и еще одна женщина, представившаяся её подругой. За их спиной — два здоровенных мужика.

Опешив от неожиданности, Олеся отпрянула, и посетители без приглашения вошли в квартиру. Страх пополз влажной холодной змейкой по позвоночнику, сердце прихватило. Она открыла рот и хотела спросить, что всё это значит, но губы одеревенели, как после заморозки у зубного врача, и она только беззвучно разевала рот, судорожно хватая воздух.

Елена начала её успокаивать. Даже подошла к Олеся и обняла её за плечи, как обнимала когда-то мама:

— Ну что, видишь, на поправку пошла... — говорила она ласково, как с ребенком. — Я тут для тебя в пансионате местечко пробила. Там и медицинский уход, и кормить регулярно будут, и обстирывать. Никаких сиделок не надо. Пансионат хороший. Образцово-показательный, на свежем воздухе: можно на веранде посидеть в кресле, можно в палисадник выйти... Там и подлечат, и под присмотром будешь, и не одна — будет с кем словом перемолвиться...

— Какой ещё пансионат? — дар речи вернулся к Олеся, и она, не сдерживаясь, почти прокричала: — Я не хочу ни в какой пансионат! Я дома жить хочу!

— Да какой дом?! — Лицо Елены перекосила злоба. — Не можешь ты больше одна дома жить. Ты подумай только! — никого не стесняясь, рявкнула она. — Как ты одна дальше будешь? А если опять insult или что-то ещё? А с головой что? Кто за тобой смотреть-то будет? На сиделку у тебя денег не хватит... Пристроили тебя в хороший пансионат в обмен на квартиру.

— Как это — в обмен? — едва шепнула Олеся, ошарашенная новостью.

Тут подруга Елены вытащила из чёрной лаковой сумки коричневую папку-скоросшиватель, достала из неё бланк свидетельства о собственности и протянула его Олеся:

— Вот, теперь я собственница квартиры. Ты не можешь в таком состоянии жить одна. Как ты этого не понимаешь!

Олеся показалось, что ей снится дурной сон. «Как они могли это проверить? Неужели бумаги какие-то ей подсунили подписать, когда ей было плохо?» — недоумевала она. Тут вспомнила про своих жильцов и договор аренды — похолодела, точно вышла мокрая на холодный осенний ветер.

Два мордоворота с квадратными плечами стояли тут же, не проронив ни слова. Олеся в панике вцепилась взглядом в них и встретила ледяное равнодушие. В этот момент она поняла, что теперь её жизнь на самом деле кончилась.

Здесь, в пансионате, стены выкрашены в жёлтый цвет. Видимо, думали, что так в комнате будет солнечно. Но для Олеся жёлтый цвет — цвет желчи, мочи, бултыхающейся в утку, цвет отшелестевших своё осенних листьев, упавших на землю.

Спешить больше некуда. Время перетекает в вечность. Словно огромный полый шар осознанного бытия, внутри которого медленно перемещаешься по стенкам — и нет конца.

Когда Олеся ещё ходила, ее выпускали погулять в сад. Она садилась на скамеечку и вдыхала запах прелой листвы. Однажды ей стало плохо прямо в саду — и тогда она легла на этот ковёр из жёлтой листвы с вкраплением красного, надеясь, что спазм пройдет. Голова её лежала на какой-то кочке, как на подушке, но она была в сознании и видела, как ржавый лист, оторвавшись от ветки и описав пируэт, спланировал прямо ей на висок, уселся, будто бабочка, разложившая свои крылья. Пахло землёй, волгло, пряно, тленно... Олеся встала тогда сама и добрела до ближайшей лавочки. Сидела в осеннем саду на холодной скамейке и чувствовала, что запах земли перебивает всё... Запах геосмина, ила, гниющих водорослей, рыбы.

114

Она лежала в своей комнате и смотрела за окно. Небо стояло сизое и холодное, будто молоко. Олеся видела верхушки жёлтых деревьев, которые казались выжженными солнцем. Они нагибались под порывами ветра. Олеся подумала, что человек рано или поздно тоже преклоняется к земле, а потом она открывает свой жирный чёрный рот и проглатывает его. Корни деревьев всё плотнее оплетают люльку. Мы питаем их, и они выносят к свету новые зелёные листья, выросшие взамен сухих и ломких, сброшенных по осени на землю, которые служат нам лёгким лоскутным одеялом, пока зима не кинет на него толстую пуховую перину, которая греет стволы деревьев, но не людей.

Смятая влажная простыня сбилась, лежать было больно и неудобно. Кожа на теле Олеси стала серой, сухой и тонкой, как газетная бумага, и ей казалось, что она вот-вот разорвётся, как бумажная упаковка, намокшая изнутри от влажного продукта. Копчик саднило, Олеся подозревала, что натёрла кожу и у неё, возможно, уже начались пролежни. Она старалась лежать на боку, но кость бедра упиралась в железные пружины кровати.

Занять себя было нечем. Читать Олесе было тяжело: глаза болели, будто в них попал песок, острая резь выжимала слёзы, буквы сливались и прыгали. Да и книги ей давали какие-то неинтересные, такие же серые, как небо за окном, которое хотелось прополоскать в солнечном свете.

Оставалось одно: лежать и вспоминать свою жизнь. Хотелось припомнить всё — каждую деталь. Мысленно Олеся будто распарывала своё прошлое на тысячи лоскутов, как поношенную одежду, прощупывала каждую складочку, каждый шов. Изнанка теперь казалась ей ярче — радости, улыбки, приятные переживания. Внешние события со временем повыщели, полиняли, рисунок стал полустёрт. То, что хранилось в глубине души — подалеже от людских глаз, оставалось по-прежнему ярким и не тронутым промчавшимися, как метеорит, годами. Олеся чувствовала себя пылинкой,

которая затерялась в складке материи времени, промелькнула и исчезла навсегда.

115

В ноябре, когда обнаженные деревья маячили в её окне на закате багрового тревожного солнца, небо неожиданно вернуло свой голубой цвет и показалось Олесе спокойным утренним морем, ещё не взволнованным порывами ветра. Плывущие мимо облака вдруг застыли заснеженными горными вершинами, величественными и завёрнутыми в горжетку тумана, она повернулась от окна на другой бок и увидела в проёме двери маму, почему-то держащую за руку Кириюшу.

— Как ты могла его оставить! — сказала мама. — Посмотри, что он с собой сделал!

Руки мальчика были изрезаны: чуть повыше запястья свежие порезы, края ран расходились и зияли кровавой плотью. Мальчик стряхивал капли крови на пол и смеялся, словно это всего лишь игра.

Мама потянулась к Олесе, но Кирил упирался и тащил её к себе. Женщина смотрела на дочь голубыми, как цветки цикория, глазами, наконец кивнула и проговорила:

— Я тебя люблю... мой цыплёнок! — и растаяла, растворилась в сумерках комнаты, словно мираж.

Олеся моргнула, пытаясь прогнать сон. Но нет, она не спала. Это было видение. Посмотрела за окно. Верхушка одного дерева была выше других — и она качалась от ветра, будто пьяная. Небо затянуло облаками — и оно стало похоже на штормящее море... Мелкие брызги стучали в окно, и ветки дерева теперь блестели, словно лакированные. На ветке оставались два жёлтых листа с бурым крапом, похожим на ржавчину. Она подумала, что и сама, как этот лист, висит на ветке дерева жизни, зачем-то цепляясь за неё из последних сил.

116

На другой день мама пришла снова. Она опять стояла в дверях, улыбалась загадочно, но по-прежнему не подходила к Олесе, хо-

тя Кирюши с ней не было. На сей раз мама ничего не говорила. Просто стояла в задумчивости, будто и не видела дочь, а потом исчезла, словно провалилась сквозь пол.

От бессилия и невозможности поддержать маму за руку Олеся заплакала. Слезы текли по её щекам, скатывались на подушку. Она смахивала их занемевшими пальцами, зажимала kloкочущее в груди дыхание и всхлипы, жалкие и беспомощные — детские. Затолкала в рот уголок пододеяльника и кусала его, пытаясь справиться со слезами, накрывшими её, точно летний проливной дождь.

С этого дня у Олеси появилась надежда, что мама будет приходить ещё.

Но на другой день явился Кирилл. Кирюша сидел на качелях, привязанных под потолком прямо над лампой дневного света.

— Я нашёл свою настоящую маму, — сказал Кирилл, медленно раскачиваясь.

Мальчик раскачивался всё быстрее и быстрее — и Олеся уже едва различала черты его лица. Всё сливалось в пятно. Он взлетал прямо под потолок — и она теперь боялась, что он может расшибиться. Вот сейчас качели перевернутся — и он упадёт...

Олеся зажмурилась в ужасе. А когда открыла глаза, то Кирюши уже и след простыл. Лежала в смятении, силясь припомнить его лицо, но оно в памяти не удержалось. Воспоминание улетело, как птица в приоткрытую дверцу клетки, выставленной на балкон.

Она попыталась вспомнить облик других своих родных и с облегчением поняла, что видит лица родителей, бабушки и дедушки ничуть не изменившимися и не потревоженными временем. А лицо Кирюши стёрлось совсем... Олеся напряглась до сверлящей боли в висках, до ломоты в затылке, но вспомнить мальчика не могла. Страх обхватил её. Неужели она теряет память? Но почему так избирательно?

117

Она лежала, отвернувшись к стене: так резкий холодный свет не бил ей в глаза и она не видела своих соседок. Иногда Олеся

разглядывала царапины и потёртости на стене. В детстве, когда её укладывали спать днём, она тоже разглядывала стенку и пыталась различить в тонких очертаниях на обоях каких-то сказочных героев.

Сегодня, проснувшись рано утром, Олеся обнаружила, что опять не чувствует руку. Сначала подумала, что отлежала кисть, значит, вот-вот по руке побегут мурашки — и всё пройдёт, чувствительность восстановится. Но нет, рука неподвижно лежала, не подавая признаков жизни.

Тогда Олеся решила поспать: может, после сна всё наладится. Сон не приходил. Солнце лизало розовым языком окно, подоконник, стену напротив окна. Олесе ничего не оставалось, как привычно устаться в стену.

Рассмотрела море... Оно было в лучах багряного солнца, которое напоминало подбитый глаз с чёрным синяком-тучей над веком. Этот «глаз» будто бы с раздражённой капиллярной сеткой испускал удивительное сияние, какое бывает от пламени костра, играющего языками.

Внезапно на небе открылся второй глаз. Он тоже был кровавый и чуть меньше первого... «Луна», — догадалась Олеся. Два налившихся кровью глаза, будто у разъярённого быка, наблюдали за ней. Было так тревожно, точно она на самом деле мерилась с быком взглядом, обречённо понимая, что его никак не пересмотреть — сейчас бык кинется на неё, поднимет на рога, затопчет копытами и разорвёт в клочья.

Море стало чёрным, как нефть, на которой качались отсветы двух светил, казавшиеся Олесе брошенными факелами. Сейчас похлёт — и не будет ни моря, ни неба, ни стены: останется жёлтая масляная краска, которая истёрлась до ямок, казавшихся рябью на взбаламученной штормом воде. Не будет больше ни этого ужасного запаха немых тел, пропитавшего всю комнату, ни онемевшей руки, которую она теперь чувствовала, как куклу, что в детстве всегда брала с собой в кровать, когда укладывалась спать.

Огненное небо подмигивало Олесе кровавыми глазами, манило к себе и звало. Из одного глаза скатилась слеза и растворилась в ночном

море. В море, будто золотые рыбки, плавали огненные блики. Теперь глаз казался Олеся инопланетным летательным аппаратом. Аппарат открыл люк, из него потянулась вниз веревочная лестница. И Олеся стала подниматься по этой лестнице, неуклюже балансируя над бездной. Она чувствовала, что снизу идёт жар, будто от пожара. Ей было страшно. Она боялась посмотреть вниз или поглядеть наверх. Голова кружилась, кровавые светила подмигивали тревожным сиянием, но Олеся упорно карабкалась, чувствуя под собой всё выше поднимающееся пламя. Успеть бы улететь и не сорваться...

Лестница была будто воздушный змей, которого кружат то ледяные порывы ветра, то поднимавшиеся горячие струи воздуха... Олеся кружилась вместе с лестницей в каком-то цирковом номере, но упорно переставляла ноги всё выше и выше. И вдруг почувствовала, что чьи-то руки вытягивают её наверх.

Это были руки матери. Теперь Олеся слышала родной, давно не слышанный в реальности голос — мама радовалась встрече. В последний раз ее голос Олеся слышала в больнице, перед тем как мама ушла в беспамятство. Тогда Олеся лежала на материнной груди, когда-то вскормившей её, — и сквозь ткань бязевой рубашки чувствовала лбом сухой жар, идущий от тела,

которое покидает душа. Мама в последний раз при жизни погладила тогда Олеся по голове, будто маленькую девочку, и ослабевшие руки обвили дочь, точно вьюнок дерево, перед тем как засохнуть с приходом холодов.

Сейчас эти руки крепко сжимали Олесину кисть.

Вдруг раздался звонкий детский голос. Олеся вздрогнула и чуть не выпустила верёвку из рук.

— Мама!!! Мама! — весенняя хрустальная радость звенела в этом слове.

Олеся покачнулась, неуклюже балансируя на лестнице, и, запутавшись в верёвках, сорвалась со ступеньки. Но крепкие руки матери не отпускали вниз, туда, где полыхало пламя, — они держала что есть силы. Руки мамы упорно тащили её наверх, но никак не могли вытянуть — им не хватало силы...

Галина ТАЛАНОВА (настоящее имя Бочкова Галина Борисовна)

родилась в г. Горьком.

Окончила Горьковский госуниверситет, кандидат технических наук.

Поэт, прозаик.

Автор восьми книг стихов и четырех книг прозы.

Имеет более 130 литературных публикаций, в том числе в изданиях

«Литературная Россия», «Новая газета», «Роман-журнал. XXI век», «Юность», «Север», «Нева», «Истоки», «Родная Ладога», «Подъем» и др.

Лауреат литературной премии журнала «Север» (2012),

премии «Болдинская осень» (2012),

премий Нижегородской области им. М. Горького (2016)

и Нижнего Новгорода (2018),

золотой лауреат конкурса «Её Величество книга!» (ФРГ, 2016),

золотой дипломант VII Международного

славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016) и пр.

Член Союза писателей России.

